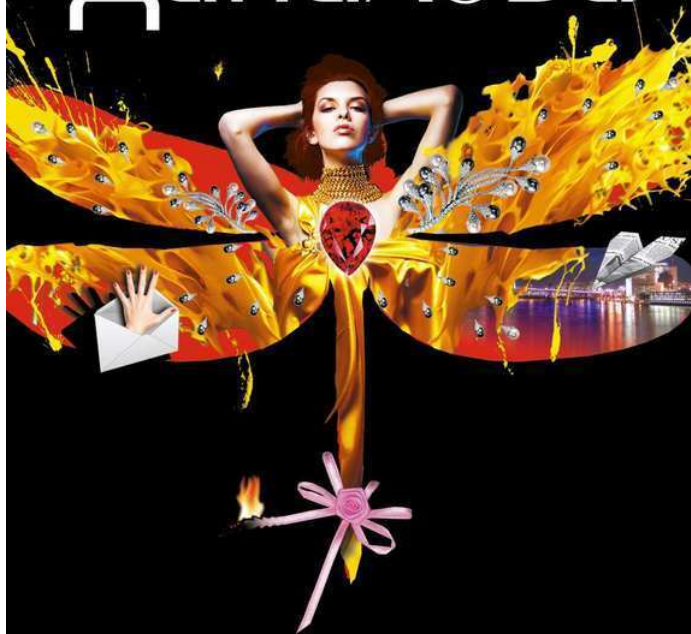

CRIME & PRIVATE

анна
Данцлова

ПРИГОВОРЕННЫЙ К ЖИЗНИ

Она слишком часто заманивала других в ловушки,
теперь настал ее черед...

Анна Васильевна Данилова
Приговоренный к жизни
Серия «Crime & private»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8206382

Приговоренный к жизни: роман / Анна Данилова: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-04-181111-2

Аннотация

К известному адвокату Елизавете Травиной обратилась за помощью мать пропавшей семнадцатилетней Лены Пирской. Отцу девушки, крупному бизнесмену, прислали отрубленный мизинец и требование о выкупе. А позже выяснилось: деньги забрала... сама похищенная Лена! По крайней мере, так заявила свидетельница. Помощница Лизы Глафира, приехавшая в поселок Вязовка поговорить с тетей Лены, увидела, как в дом ее одинокого соседа тайком привезли странный... гроб. Возможно, похоронный атрибут абсолютно не связан с историей похищения девушки. Но Глафира давно не верит в совпадения...

Содержание

1	5
2	8
3	20
4	26
5	38
6	59
7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Анна Васильевна Данилова

Приговоренный к жизни

© Дубчак А.В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

1

– Тебе надо сделать всего лишь одно движение, и все! Соверши над собой усилие, и все то, что ты так ненавидел, что отравляло твою жизнь: опека родителей, отсутствие денег, унижение, с этим связанное, неприятие всего того абсурда, в котором ты живешь, – все разом закончится, и перед тобой откроется новая жизнь, совершенно другой мир! Говорю же – всего лишь одно усилие, движение руки!

– А если одного движения, как ты говоришь, не хватит? Не получится у меня?... И что тогда?

– Сделаешь все так, как мы задумали. Это шанс, понимаешь? У нее богатые родители, очень богатые, и те деньги, что мы за нее запросим, для них – не деньги! А уж когда они увидят то, что мы им отправим, сердце их дрогнет, и они сразу раскошелятся, сразу!

– А если мы не успеем и все откроется? Ну просто – не успеем?

– Значит, не судьба. Пока не судьба. Потом появится другой шанс. А так... И мы вроде как ни в чем не виноваты, да и они потом будут счастливы... Всем будет только хорошо!

Ее голос звучал в его голове все то время, что он стоял над неподвижной, раскрашенной, как кукла, девушкой с кушачками в руке. И рука его дрожала так, как никогда не дрожала. Да и самого его колотило. В помещении было светло,

нестерпимо светло, словно эти мощные лампы горели специально для того, чтобы он сделал задуманное.

Он знал, что она ничего не почувствует, но все равно при мысли, что сейчас вот холодные острые кусачки отрежут ее мизинец, ему становилось дурно. Он постоянно спрашивал себя: то, что он намеревается делать, преступление это или нет? Существует ли уголовная статья? Какой срок наказания?

Как отнесутся его родители, когда узнают, что он совершил? Хотя какая уже разница... Отношения с ними все равно испорчены. Отец никогда не понимал его, вот уже сколько лет смотрит на него с презрением! Считает его белоручкой, никчемным парнем, не способным даже гвоздя вбить. Да и в лицее он никогда способностями не блистал. Хотя, с другой стороны, не он один такой...

Отца тоже можно понять, он много работает и почти все заработанное тратит на семью: оплачивает его учебу в престижном лицее, выучил в университете сестру, теперь они с матерью строят загородный дом.

Мама тоже много работает под крылом отца: ведет все его финансовые дела, занимается документацией. Они приходят с работы вместе, но даже дома постоянно говорят о своих делах, о своей фирме, поставках, сроках, платежах...

Конечно, мама не отец, она просто любит его, Вадима, понимает, всегда защищает перед отцом и делает все, чтобы он, ее сын, был счастлив.

Но сам-то он должен хотя бы что-то сделать для своей семьи? Хорошо окончить лицей, поступить в университет, окончить его, чтобы потом устроиться на хорошую работу. Но когда еще все это будет? Не скоро. И все понимают это. Кроме отца. Строгий, даже жестокий, он одним своим взглядом уничтожает Вадима, знает, как причинить боль... И постоянно словно ждет от него чего-то, каких-то успехов, которые доказали бы, что он не напрасно вкладывает деньги в сына, что от него все же будет толк. Для Вадима же это было настоящей мукой, он по-настоящему страдал, видя, что каждый день лишь разочаровывает отца.

...Хрясть. Зажмурившись, он сильно, как только мог, сжал кулачки, почувствовав тающую твердость отрезаемого пальца, а потом короткий, сухой стук внизу. Палец упал на пол.

Он оглянулся, словно кто-то мог его увидеть за этим отвлеченным занятием, быстро поднял палец и сунул к себе в карман. Затем спрятал в карман куртки кулачки и выбежал на улицу, где его и вырвало.

Вытерев платком рот, он отдышался, достал сигарету и закурил. Ну вот, собственно говоря, и все, главное сделано.

Он позвонил Миле:

– Все, теперь твоя очередь действовать.

– Умничка! Не переживай, все будет хорошо!

– Смотри – «Гелендваген» остановился напротив нас... Это, кажется, по нашу душу, – сказала Глафира, поднимаясь из-за своего рабочего стола, чтобы увидеть выходящую из машины женщину. – Вся в черном, – вздохнула она. – У нее, видимо, большие неприятности.

– Если ты заметила, Глаша, – сказала Лиза, не поднимая головы от документов, – то к нам, как правило, обращаются люди с очень большими проблемами. Трудно представить себе человека в такой ситуации в белом или розовом... Или вообще – в желтом!

– Вот именно – с очень большими проблемами. Потому что просто с проблемами они могут обратиться в любую районную юридическую консультацию. Ну, точно к нам...

Она замолчала, потому что дверь открылась и на пороге появилась высокая стройная женщина лет тридцати пяти в черном брючном костюме. Русые волосы ее были забраны в конский хвост. Половину лица скрывали темные очки, которые посетительница тотчас сняла, оказавшись в приемной адвокатской конторы «Травина & Кифер».

У нее был вид человека растерянного, нерешительного, хотя чувствовалось, что в другой ситуации она могла бы выглядеть совершенно по-другому. Лиза отложила в сторону бумаги и жестом пригласила посетительницу сесть в кресло

напротив.

Поздоровавшись с Глафирой, она подошла к Лизе.

– Здравствуйте, Лиза, – сказала женщина, присев на краешек кресла. – Вижу, вы не узнали меня. Когда мы с вами встречались раньше, я была брюнеткой. Моя фамилия Пирская.

– Ольга? Извините! – воскликнула пораженная Лиза. – Действительно не узнала. И это при том, что у меня отличная память на лица. Надо же, как цвет волос может изменить человека! Рада вас видеть... Помнится, раньше мы встречались по делу одного вашего знакомого и вы выступали в роли свидетельницы.

– Да, Валентин попал тогда в неприятную историю. Его обвинили в убийстве родного племянника... Если бы не ваша помощь... Жалею, что мне тогда никто не сказал, что, помимо чисто адвокатской деятельности, вы занимаетесь еще и расследованиями, поисками людей... Если бы я знала, то пришла бы к вам еще неделю тому назад!

– Что случилось, Ольга?

По бледным щекам Ольги покатались слезы. Лиза отметила, что отсутствие косметики на лице этой молодой и ухоженной женщины свидетельствует о том, что ей явно не до себя, а воспаленные порозовевшие веки указывают на то, что глаза ее не просыхают от слез.

Она вдруг вспомнила, что года три тому назад кто-то сказал ей, что Пирская ушла от мужа и вышла замуж за молодого

го талантливого художника, которого сопровождает повсюду, где устраиваются его выставки. А это – Европа, Америка! Словом, Ольга Пирская живет на полную катушку, счастлива! К тому же у нее растет дочь от первого брака. Муж, Михаил Пирский, известный в городе чиновник, живет один, увлекается охотой. Вот такие скудные сведения об этой распавшейся семье.

– Лена пропала. Моя дочь. Неделю тому назад. Вот, – Ольга положила на стол несколько фотографий, с которых смотрела красивая темноволосая девушка с голубыми глазами. – Она учится в десятом классе. Вот просто пропала – и все! Ни записки не оставила, ничего!

– А вещи? Может, она куда-нибудь уехала? Вы проверяли ее вещи?

– Ох... – она шумно выдохнула, достала салфетку и промокнула мокрое от слез лицо. – Мне ужасно стыдно, но я не знаю, что пропало из ее гардероба. Вещей очень много, половина гардеробной – ее. Там столько всего! Будь зима, я поняла бы, какой шубы нет на вешалке, какой дубленки, куртки... Но сейчас май, у нее миллион джинсов, маек, блузок разных, юбок... И она каждый день меняет все это...

– Вы проверяли ее компьютер?

– Ноутбук? Да, конечно! Да, я забыла сказать! Я же заявила в полицию. Сразу же, в первый же вечер. Вернее, хотела заявить, но у меня заявление не приняли, сами понимаете, надо ждать три дня. Я вообще не понимаю, почему все

так?! Человека надо искать по горячим следам, а они словно специально ждут эти три дня, чтобы тот, кто похитил ребенка ли, просто человека, успел поизмываться над своей жертвой... – Она всхлипнула, высморкалась. – Какой дурацкий закон! Меня вот интересует, а если бы у того, кто придумал этот закон, пропала дочь? Стал бы он спокойно дожидаться трое суток?

– Неделя... И что произошло за это время?

– В том-то и дело, что ничего! Ее не ищут! Просто делают вид, что ищут, а на самом деле никто даже не встретился с ее подругами. Я сама всех обошла. Поговорила, попыталась узнать, куда она могла пойти, с кем... И тоже все безрезультатно... Хотя, Лиза, должна вам признаться, что я сама во многом виновата... с этим своим замужеством, с этой круговертью, в которую оказалась втянута. Нас с Валею постоянно нет дома, а если мы даже и в России, то все равно – дел по горло... Он пишет картины в своей мастерской, я помогаю ему организовать выставки, устраиваю какие-то фуршеты, мне приходится бывать на тусовках... Получается, что Лена у меня как бы брошена... Но, с другой стороны, она, как мне казалось, живет очень даже хорошо, с комфортом. У нее всегда есть деньги, мы ей абсолютно ни в чем не отказываем. Если бы она хотела поехать куда-то с нами – пожалуйста! Париж, Милан, Мадрид! Другое дело, ей наша жизнь совсем не интересна.

– Вы с ней не ссорились?

– Ну, как сказать... – Ольга задумчиво потерла пальцем подбородок. – Мы постоянно с ней переругиваемся, но не зло, а так, перманентно и по-доброму... Мы любим друг друга. Просто, как мне кажется, она ревнует меня к Валентину. Еще скучает по отцу, считает, что я его предала.

– А как вы сами считаете?

– Это он меня предал. Нет, конечно, он мне никогда не изменял, но его никогда не было дома. Интересы других людей всегда были для него важнее.

– Ваш бывший муж – далеко не бедный человек...

– Ах, и вы о том же! – она нервно всплеснула руками. – Да, конечно, у него были деньги... и есть... И он был щедр ко мне. Купил мне квартиру, машину и все такое... Но я же родила ему дочь!

– Ольга, вы поймите, я задаю вам все эти вопросы не из праздного любопытства. Просто мне надо во всем разобраться, прежде чем решить, браться за поиски вашей дочери Лены или нет. Быть может, она просто ушла из дома. Вот вы говорите, что у Пирского тоже были деньги и он вам, как я поняла, тоже ни в чем не отказывал, так же, как и вы Лене... Однако вы же бросили его. Вам было некомфортно. Вам не хватало его внимания. А ведь вы взрослая женщина, которая могла бы понять его, просто войти в его положение... Он – известный политический деятель, чиновник высокого ранга... У него действительно много дел и обязательств. Причем не только перед людьми, но и перед собой.

– Вы знакомы с ним, – разочарованно протянула Ольга, с выражением какой-то безгливости откидываясь на спинку кресла. – Вы случайно не друзья? Вы когда-нибудь сталкивались с ним?

– Я не в лесу живу, – уклончиво ответила Лиза, вспоминая, с каким жаром ее подруга-журналистка рассказывала ей о Пирском, о его реальных делах, оригинальных проектах, направленных на радикальные преобразования в системе образования, о его участии в крупных благотворительных акциях для детей-сирот, о его конкретной финансовой помощи в открытии лаборатории для молодых ученых-физиков университета.

– Хорошо, Лиза, вы извините меня... Да, я понимаю, что была плохой женой Пирскому, и, дай бог, ему повезет и он встретит хорошую, понимающую женщину. Но речь сейчас не обо мне!

– Вот именно! Попробуйте вспомнить, что предшествовало исчезновению Лены. Может, был скандал, во время которого она сказала вам что-то очень важное, что беспокоило ее...

– Да ее беспокоит только одно – она не хочет жить с нами, она ненавидит Валентина! Считает его альфонсом. Она мне так и заявила. Но это же не так! Он же с успехом продает свои картины. Нет, конечно, существуют определенные трудности, и наши поездки с ним обходятся мне очень дорого, но как же не вкладывать деньги в очевидный талант?

– Ее отношения с Валентином... Как, кстати, его фамилия?

– Иванов, – сказала Ольга извиняющимся почему-то тоном. – Вот такая вот простая фамилия. Валентин Иванов. Быть может, сейчас эта фамилия вам ни о чем не говорит, но в Европе его уже знают. Я сама лично занимаюсь его рекламой.

Глафира, слушая Пирскую, поймала себя на том, что испытывает к ней неприязнь, что ее раздражает тот факт, что она больше говорит о своем новом муже, чем о пропавшей дочери.

– Лена хотела жить отдельно? И как вы к этому отнеслись?

– Я присматриваю для нее квартиру. Миша категорически против, он считает, что ей еще рано жить одной, что она совсем еще девочка! Он предложил ей, чтобы она переехала к нему, и Лена как будто бы даже согласилась, и вопрос остался открытым... Нет, безусловно, мы обязательно купим ей квартиру. Но только пусть сначала она найдется!

– Ольга, вы что-то скрываете...

– Да, мы поссорились, – наконец призналась она. – И крепко. Она назвала нас моральными уродами, ну, то есть нас с Валею... Я ответила ей... грубо, очень грубо... Сказала, что она с жиру бесится и все в таком духе. Но после этого она не вспылила, нет, не стала собирать вещи, знаете как это бывает у подростков... Она просто заперлась у себя в комнате. И в тот вечер никуда не ушла. Просто сидела за ком-

пьютером и играла в свои игры. У нее есть такие безобидные игры, какие-то сады-огороды, еще бродилки... Словом, все как обычно.

– В смысле?

– Понимаете, я не особо-то обратила на это внимание. Потому что подобные стычки между нами бывали часто. Мы с каждым днем отдалялись друг от друга... Говорю вам честно, вот как есть...

На следующий день я рано утром ушла... Так, постойте, это было пятого мая. Сегодня уже двенадцатое! Словом, пятого вечером я вернулась, и ее уже не было. В комнате ее все чисто прибрано, никаких следов сборов, если вы это имеете в виду... Все выглядело так, как обычно, словно она ушла в лицей. Да только там она в этот день не появлялась. Я подождала до часа ночи, потом позвонила Мише. Он сказал, что надо заявить в полицию. Мы встретились с ним и поехали в отделение. И вот там-то нам как раз и отказали. Я устроила истерику. Миша вел себя на редкость спокойно. Думаю, он надеялся, что Лена вернется. Он знал, что у нас не все ладится...

– Пирский что-нибудь предпринял?

– Ну, он подключил своих людей, к тому же у него большие связи в прокуратуре... Понимаете, он такой человек, ему проще попросить за кого-то чужого, чем за себя. И вот, когда Лена не появилась через сутки, начал бить тревогу. К нам приходили какие-то люди, снимали отпечатки пальцев.

Ну, он предположил, что к Лене кто-то пришел, может, подруга, друг...

– Она общительный человек?

– Да, у нее много друзей. Хотя я лично считаю, что это не друзья, а так, приятели, одноклассники, друзья по переписке... Эти социальные сети, сами понимаете, как черная дыра! Да, вот еще что. Один человек по просьбе Миши взял ее компьютер, чтобы изучить его. Она переписывалась в основном с подружками. Еще с несколькими одноклассниками. Но любовных писем или чего-нибудь в этом духе мы не обнаружили.

Проверяли они и ее звонки. Миллион звонков, разговоров, эсэмэсок, она обменивалась с подружками фотографиями... Все обыкновенное, девчоночье, нормальное для ее возраста. Лена – очень позитивный и добрый человек! Никогда никаких упаднических настроений, депрессии, неразделенной любви, ничего такого! «Привет – как дела? – трали-вали!» Ее интересы тоже обыкновенные: музыка, кино, книги... Ну и компьютерные игры, конечно, но это так, вскользь... Знаете, некоторые ее одноклассники просто увязли в этих играх, они играют онлайн, у них целые сообщества. Но это не про Лену. Она абсолютно здоровый и интересный человек. Я бы даже сказала, с богатым духовным миром.

– Что говорят ее подруги?

– Ничего. Никто ничего не знает. У Лены нет парня, она

ни в кого не влюблена. Никто не может предположить, где она, к примеру, могла бы заночевать. Родственников у нас, таких, где бы она могла, скажем, спрятаться, чтобы дать нам прочувствовать... Вы понимаете, да? Так вот, таких родственников тоже нет. Нет, конечно, у нее есть тетя. Родная тетя, сестра Пирского, ее зовут Ирина, правда, Лена зовет ее Ирена... Но это же взрослый человек, и если бы Лена решила напугать всех нас и спрятаться у нее, то Ира непременно сообщила бы Мише.

– Где она живет?

– Здесь, у нас, на Волжской... У нее большая квартира. Миша рано встал на ноги, купил себе жилье и оставил сестре родительскую квартиру. Родители у Миши ушли из жизни, когда они с сестрой заканчивали школу... У Иры не сложилась личная жизнь, но я не сказала бы, что она от этого потеряла... Ира – очень увлеченный человек. И талантливый, этого у нее не отнять. Миша купил ей дом в Вязовке, прямо на берегу Волги, помог со строительством оранжереи... Вот Ирина все свое время и проводит там. Еще ведет блог в Интернете, научилась зарабатывать, не выходя из дома... Я знаю, что сейчас она живет за городом.

Ольга вдруг запнулась. Оглянулась, встретила взглядом с Глафирой. Смутилась.

– Что-то я отвлеклась от темы, да? – обратилась она к Глаше. – Просто я хотела, чтобы вы знали, с кем еще дружила... вернее, дружит Лена. Она просто обожает свою тетку, часто

бывает у нее. Причем в любое время года. Но сейчас Лены там нет. Это точно.

– Случалось, что она сбегала из дома раньше?

– Не могу сказать, что вот прямо сбегала. Уходила, уезжала, и именно к Ирине. И та всегда звонила мне и ставила об этом в известность, чтобы мы не волновались. Но вот сейчас, повторяю, ее там нет, нет!!!

Раздался телефонный звонок, Ольга Пирская достала из сумочки телефон.

– Да... Да, Миша, я тебя слушаю! – Глаза ее бегали, стреляли то в Глашу, то в Лизу, а потом взгляд ее остановился на окне, оранжевые жалюзи которого пропускали яркий солнечный свет узкими полосками. – Нет, Миша... Нет...

Губы ее дрожали, а глаза выражали полный ужас!

– Только не это... – прошептала она. – Скажи, что мне все это снится... Я у Травиной, у адвокатши, ты знаешь...

Телефон выскользнул из ее рук, и она рухнула бы на пол, не успей Глафира подхватить ее. Лиза тоже вскочила, схватила трубку:

– Михаил Семенович?! Это Лиза Травина! Что случилось? Нашли вашу дочь?

Глаша, устроившись в кресле с бесчувственной Ольгой на коленях, не сводила глаз с Лизы.

– Это еще ничего не значит... Приезжайте. Поговорим. Однако я не настаиваю...

Она отключила телефон. Посмотрела на Глашу. Нахмури-

лась:

– Пирскому в офис принесли пакет. В нем – отрезанный палец, предположительно его дочери, Лены.

– Если бы ты только знал, Гриша, как я сожалею о том, что ты связался с этой женщиной! Я даже подумать боюсь, что станет со всеми нами, когда правда откроется.

– Успокойся, Машенька! – Григорий, ее муж, протянул свою руку над столом и погладил руку жены. – Все будет хорошо! В конце концов, она понимала, что так не может продолжаться вечно. Что рано или поздно произойдет что-то подобное и что ей придется отвечать! Причем не только перед мужем и собой, но и перед полицией!

– Вот! Я боялась произнести это вслух, но ты сам первый сказал. Полиция! А тебе не страшно? Ведь если в дело вмешается полиция, то могут арестовать и тебя!

– Нет, я не боюсь. Ты же понимаешь, что я – всего лишь нанятый работник и что я не несу ответственности за то, что делают мои хозяева. К тому же, насколько тебе известно, я делаю все, что в моих силах, чтобы как-то исправить положение, чтобы сделать все по справедливости, чтобы все шло своим чередом. Ты же знаешь, у нас уже и документы есть.

– Гриша... Господи, и куда мы вляпались?! Жили бы себе спокойно... Все деньги! И я, и ты, мы с тобой так прочно вошли в эту семью, можно сказать, пустили корни. Да и они считают нас своими близкими людьми. Другое дело – они не подозревают о том, что мы с тобой – муж и жена и что время

от времени ведем такие вот разговоры...

Супруги сидели в кухне за столом и ужинали. Картофель, селедка с луком, черный хлеб.

– Знаешь, я там у них всякого перепробовала: и омары, и кальмары, и разные экзотические фрукты, и деликатесы всякие, трюфеля, к примеру, – вдруг улыбнулась, словно забыв на время о проблемах, рыжеволосая, с округлыми формами пятидесятилетняя Мария, блеснув веселыми глазами. – Но лучше картошки с селедкой еще ничего не придумали. Это на мой вкус!

– Ты же знаешь, у нас с тобой вкусы совпадают!

Григорий Брушко, интеллигентного вида худощавый, физически крепкий мужчина пятидесяти пяти лет, с густыми седыми волосами, аккуратно подстриженными и уложенными самой природой красивыми волнами над высоким лбом, с нежностью посмотрел на жену:

– Ты, Маша, постарайся не думать ни о чем плохом. Живи себе, радуйся жизни. Вот увидишь, все само собой образуется. И те, кто не считает себя сейчас виноватым, кто живет, даже не задумываясь о том, какую боль причиняет людям, они все равно потом все поймут.

– Нет, Гриша, мои – не поймут. Они живут я не скажу чтобы каждым днем, нет, но им действительно и в голову не приходит, что они, вместо того чтобы, как им кажется, делать людей счастливыми, открывать глаза на истину, на самом деле убивают многих психологически, наносят им смер-

тельные раны. Знаешь, кого они пригласили на этот раз? Одну молодую женщину, которая успешно вышла замуж за какого-то там миллионера, родила ему детей и теперь живет себе счастливо и в ус, что называется, не дует. Больше того, эта молодая женщина увлекается ландшафтным дизайном, открыла свою контору. У нее появились первые клиенты. Так вот, на программу пришло письмо от ее сестры, явно завистницы или неудачницы, которая собирается, по моему мнению, разрушить ее жизнь! На передачу собираются пригласить человека из ее прошлого... Сутенера, представляешь?! То есть эта женщина была проституткой, чуть ли не вокзальной! И вот эту правду собираются выложить в эфир! То есть сначала мы увидим на экране молодую женщину, красивую, успешную. Потом появится ее сестра, которая скажет, что она дрянь последняя, раз не помогала своим родственникам, ну, то есть ей, сестре, что зазналась и все такое! И потом в студию пригласят этого сутенера. Понятное дело, что он уже не сутенер, у него свой бизнес, он живет где-то на море, в Сочи, кажется, у него там маленькая гостиница, словом, начал человек новую жизнь. Его пригласят для того, чтобы он рассказал, с чего начинал свой бизнес и все такое... Ну, намекнут, что во время эфира ему предстоит встреча с одним приятным человеком...

– Что, обманут? И его тоже?

– В том-то и дело! Причем этот человек понятия не имеет, что это за передача. Знает, что называется «Открой глаза!»,

и все! Не уверена, что он там, в Сочи, знает о том, что творят телевизионщики здесь, у нас... Понятное дело, ему пообещают заплатить за участие. Или же скажут, что он может воспользоваться эфирным временем и разрекламировать свою гостиницу...

– Но когда он увидит эту героиню, он же все поймет!

– Знаешь, сколько раз было такое, что приглашенные герои убегали, закрыв лицо от стыда! Скандал! Слезы, драки! И все это – ради рейтингов! Ради денег! А мораль – живи пристойно, не делай гадостей... Вроде как идея-то неплохая! Но сколько судебных они рушат!

Маша вздохнула, встала, налила мужу чаю, поставила перед ним большую кружку.

– Я тебе так скажу, Гриша. В жизни почти каждого человека есть что скрывать. Редко встретишь безгрешного. Кто-то раскаивается в своих грехах и никогда больше не возвращается к ним, старается прожить жизнь новую, чистую, а кто-то уже не может остановиться... Может, о таких и следует делать передачу, чтобы открыть им глаза на очевидные, казалось бы, вещи: не укради, не убей, не обмани... Ах, да что я тебе говорю, ты и так отлично все понимаешь! И что бы мы с тобой сейчас ни говорили, как бы ни возмущались, мы ничего сделать уже не сможем. И знаешь почему?

– И почему же? – улыбнулся нежно Григорий жене.

– Да потому что мы с тобой – маленькие люди.

– Это тебе только так кажется, что мы маленькие. На са-

мом же деле мы – настоящие.

– Да, конечно... Знаешь что, Гриша, я вот хоть человек и не особенно-то верующий, в церковь не хожу, посты не соблюдаю... Но все равно понимаю, что кто-то за нами оттуда, сверху, наблюдает и этот кто-то – сила, которая нами управляет, контролирует нас. Может, это и есть Бог. И тогда он не должен допустить зла...

– Эх, Машенька, если бы все было так же просто, как ты говоришь! К сожалению, нам трудно понять деяния Бога... И у меня к религии отношение тоже сложное. Когда заходит спор о том, как может Бог допустить зло, почему не останавливает его, я всегда вспоминаю Сомерсета Моэма. Не выходят у меня из головы его размышления по этому поводу. Знаешь, ведь он был очень набожным человеком. Но когда устроился в больницу работать и на его глазах от эпидемии стали умирать совсем маленькие дети, вот тогда он и спросил: а где же Бог? Куда он смотрит? Он что, не видит, что умирают ни в чем не повинные существа, ангелы? И разуверился в Боге... Стал атеистом. Может, я, конечно, что-то и путаю, но в памяти у меня всегда эта история.

– А может, Бог забрал этих малышей себе, в свое царство? В какое-то другое измерение? Переселил их в другой мир?

– Да ты у меня философ, Маша! Спасибо за ужин, за компанию!

– Гриша? А ты от меня ничего не скрываешь?

Мария подошла к мужу и заглянула ему в глаза:

– Ты какой-то не такой сегодня... Да и вчера тоже я заметила, что с тобой что-то не так... Нервничаешь, а когда смеешься, то смех у тебя неестественный... Что случилось, Гриша?

В маленькой кухне стало очень тихо, если не считать детских голосов, доносившихся в открытое окно со двора, где мальчишки, несмотря на уже поздний, но теплый светлый майский вечер, играли в мяч.

– Гриша, – Маша обняла мужа за пояс, – что-то у меня тревожно на душе. Как он там?

– Да все в порядке, Машенька.

– Что вы с ним задумали?

– Ничего... Вернее, пока ничего. Но ты же и сама должна понимать, что так не может продолжаться вечно. Кое-что мы с ним придумали. Вернее, это он придумал...

– Да я же знаю, он умный! Он очень умный!

– Да нет, Маша, ты даже себе не представляешь, насколько он умный... – сказал Григорий странным голосом. – Я тебе потом все расскажу, потом... А сейчас пойдем отдохнем. Полежим перед телевизором, ты сделаешь мне массаж, а?

С бледного лица Михаила Пирского, буквально влетевшего в приемную, лился пот.

Серый костюм, белая рубашка, синий галстук, белые летние туфли. Пирский в свои сорок с небольшим выглядел очень молодо. Даже седина в коротко подстриженных волосах ему шла. Голубые глаза были воспалены и смотрели с тревогой.

Увидев Лизу, он на мгновение замер, словно вспоминая ее лицо, резко подошел и протянул ей руку, как если бы она была мужчиной:

– Здравствуйте, Елизавета Сергеевна.

Лизе было приятно, что он вспомнил единственный вечер, когда их познакомили. Это была большая городская рождественская елка, где Пирский и Лиза вместе с Дедом Морозом раздавали детям-сиротам, приехавшим на праздник из детских домов, подарки.

– Здравствуйте, Михаил Семенович. Проходите, пожалуйста. Сейчас приедет Мирошкин, думаю, вы с ним тоже знакомы по делу одного из ваших друзей... Как вы понимаете, в этом случае без официальных органов нам никак не обойтись. Понадобится экспертиза и все такое...

– Сергей? Да, хорошо... Я с ним знаком. Вот! – С этими словами Пирский протянул Лизе небольшой коричневый

конверт из плотной бумаги. – Вот, это мне принесли и оставили у секретаря.

– Кто принес?

– Курьер. Вернее, моя секретарша сказала, что был курьер, просто обычный молодой человек, которого она видела первый раз.

– Уверена, что никакой это не курьер, а просто случайный человек, которому заплатили, чтобы он принес вам конверт.

Лиза тоже разволновалась, держа в руках зловещий конверт. Она знала, что там записка и палец похищенной Елены Пирской, совсем еще девочки.

Она достала записку и быстро пробежала ее взглядом:

«*Ваша* дочь находится у нас. Приготовьте 200 000 евро. Мы вам позвоним».

Это был лист офисной бумаги обычного формата, текст был отпечатан на принтере. Буквы – огромные, как если бы похитители хотели подчеркнуть всю важность послания.

Она раскрыла пошире конверт и, увидев палец, почувствовала, как волосы на ее голове зашевелились.

В эту минуту из комнаты отдыха, где находилась все это время Ольга Пирская, вышла Глафира, приложив палец к губам.

– Мне пришлось дать ей успокоительное, и она как-то сразу уснула.

– Бедолага! Она не спала все эти ночи! – На лице Пирского проявилась гримаса страдания. – Вы, наверное, думаете,

что я ненавижу ее, да? Нет, это совсем не так. Я женился на Оле в свое время по любви и понимал, что она-то меня не любит. Но ее молодость, красота... Словом, мне было тогда все равно, любит она меня или нет. Вернее, нет, конечно, не так. Мне бы очень хотелось, чтобы она меня полюбила, я верил в это. Другое дело, что я сам почти ничего не сделал, чтобы это случилось. Я уделял ей слишком мало времени. И она отдалилась от меня окончательно. Поэтому в том, что случилось, я виню в первую очередь себя. Сейчас же мне ее просто жаль. Связалась с человеком, который заставил ее поверить в его талант. Да, может, у него и есть талант, но не настолько большой, чтобы в него можно было вкладывать такие деньжищи! И главное, что он, этот Валентин, ее не ценит и, конечно, не любит! Даже несмотря на ее красоту! Я знаю, что у него есть другая девушка, тоже художница... Они учились вместе.

– А Ольга об этом знает?

– Нет, конечно, не знает! Если узнает, это ее просто доконает.

Пирский посмотрел на конверт и прикрыл ладонью лицо.

– Знаете, ловлю себя на мысли, что все это никак не связано с Леной. Отрубили палец девочке. Зачем? Сразу бы мне позвонили, сообщили свои условия, и я бы без пальца выплатил им эти деньги! Тем более что они у меня есть! Я уже заказал в банке, они будут у меня завтра!

– Они наверняка скажут вам завтра, чтобы вы не обраща-

лись в полицию. Это такие у них правила, у похитителей.

– Да знаю я эти правила! Сколько фильмов смотрел... Да же если не обращаться в полицию, где гарантии, что ее отпустят? Никаких. Но с помощью полиции есть шанс хотя бы схватить преступников!

Тут Пирский выругался и сам же испугался такого своего поступка. Стал озираться по сторонам, оценивая, кто еще, помимо Лизы и еще одной молодой женщины в красных брюках и белой блузке, мог его услышать.

– Извините, – он густо покраснел. – Не знаю, как вырвалось...

– Михаил Семенович, я должна вас познакомить со своей помощницей – Глафирой Кифер. Ей вы можете доверять так же, как и мне. Мы с ней не один год уже работаем вместе...

– Да-да, очень приятно, – Михаил поспешил сжать в своей ручище маленькую ладошку Глаши. – Скажите, что мне делать? Ведь если Лене отрубили палец, она истекает кровью... Она же может умереть!

Лиза отошла в сторону, подальше от Пирского, взглядом подозвала к себе Глафиру и вытряхнула из конверта на маленький кофейный столик на поднос палец.

Глафира сморщилась, как от боли.

– Женский, тонкий... Это мизинец. Я не эксперт, конечно, но сказала бы, что этот палец принадлежит юной девушке.

– Маникюр, розовый лак...

– Знаешь, вот если бы был зеленый, то можно было бы

хотя бы спросить у матери, пользуется ли ее дочь таким радикальным цветом. Но розовый... Этот лак есть у каждой девушки.

– Узнаем, что нам скажут эксперты. Жива ли была девушка, когда ей отрубили палец...

– Знаешь, думаю, что его не отрубили... И не отрезали. Словно... откусили. Хотя можешь меня не слушать. Просто отрубить палец вообще трудно, нужно же еще попасть топором...

– Глаша!

Они разговаривали шепотом, чтобы их не мог слышать Пирский.

– И не отрезали, потому что отрезать палец у живого человека не так-то просто...

– Откусили, говоришь?

– Да, у моего отца были такие кусачки, которым он перекусывал провода... Может, кусачками? Р-р-раз – и готово!

– С тобой страшно разговаривать, Глаша, вот что я тебе скажу! – прошипела Лиза. – Михаил Семенович...

– Да можно просто Михаил, – отозвался убитый горем отец. – Лиза...

В эту минуту дверь распахнулась и вошел Сергей Мирошкин, молодой следователь прокуратуры, друг Лизы и Глафиры.

Лиза ввела его в курс дела.

– Ну и дела! – покачал он головой, рассматривая мертвый

мизинец. – Вы должны поехать со мной в прокуратуру. Конверт я тоже забираю с собой. Быть может, на нем сохранились какие-то следы, хотя это вряд ли...

– Я уж не знаю, как вы будете действовать, но я прошу вас – пусть будет все тихо! Кто знает, может, у похитителя имеются связи там, у вас, и он все узнает, ну, о том, что я подключил к этому делу полицию... Вот тогда я точно не увижу свою дочь! – взмолился Пирский.

– Поедьте, я знаю, как мы будем действовать.

– Мы же со своей стороны займемся окружением Лены, – сказала им вслед Лиза. – Будем держать тебя в курсе. Сережа, пожалуйста, помоги нам раздобыть ноутбук Лены, свяжись с человеком, который занимался изучением ее виртуальной жизни. Может, у него есть координаты людей, с которыми Лена общалась.

Пирский с Мирошкиным уехали. Вскоре проснулась Ольга. Выпив горячего чая, она сообщила Лизе все, что знала о подругах дочери: фамилии, номера телефонов и даже ники в Интернете.

После ее ухода Лиза вызвала Дениса Васильева, своего помощника:

– Приезжай, Денис, у нас новое дело.

Русоволосый сероглазый Денис, по сути, ученик Лизы, студент Академии права, поступивший туда не без помощи своей хозяйки, приехал на новенькой машине, счастливый, с сияющими глазами.

– Сегодня поляну накрою! – сообщил он с порога, не в силах скрыть своей радости. – Машина – зверь!

– Поздравляем! – сказали хором Лиза и Глафира.

– Подождал бы немного, хотя бы полгода, и не пришлось бы брать кредит, – заметила Лиза. – Но ты сам все решил, даже не посоветовался.

– Да стремно было ездить на старой битой машине. К тому же на ней невозможно было никого догнать! Сами же знаете!

– Ладно, остынь немного, Денис! Вот тебе задание. Разыщи близкую подругу Лены Пирской Наташу Каленову и поговори с ней. Лену, похоже, похитили...

Она рассказала ему о визите супругов Пирских, о страшном конверте.

– Постойте... Как это так? – удивился Денис, принимая из рук Глаши чашку с кофе. – А молоко?

– Молоко, молодой человек, закончилось, – Глафира ласково потрепала Дениса по светлой макушке.

– Подождите!.. – воскликнул эмоциональный Денис. – Вам разве не показалось странным, что сначала приходит письмо, да к тому же еще и с отрубленным пальцем, и это вместо того, чтобы, как и принято в таких случаях, я имею в виду элементарную логику, сначала все-таки попросить выкуп, а потом уже, если родители отказываются платить, отрубать палец... Почему сразу палец? Может, они договорились бы – Пирские и похитители, – и тогда бы все десять пальчиков девочки были сохранены.

– Вероятно, они сразу дали ему понять, что не шутят, что дело серьезное, чтобы у Пирского не было и мысли отказаться платить.

– И все равно странно, – поддержала Дениса Глафира. – Бред какой-то!

– Да я и сама не поняла, зачем понадобилось похитителям отрубить палец, – сказала Лиза. – Но мы имеем то, что имеем! Вероятно, во всех этих действиях имеется смысл, да только мы его пока не понимаем.

– А вы уверены, что это ее палец? – спросил Денис.

– Уверенными мы будем после того, как будет проведена экспертиза с использованием биологического материала девочки... Волоса с расчески, к примеру. Вот по ДНК и выяснят, ее это палец или нет.

– Ты думаешь, Пирский будет ждать? Да он уже наверняка сидит на мешке с деньгами и дожидается звонка!

– И правильно! Да любой отец бы так поступил, будь у него деньги.

– Вот именно! – Денис поднял указательный палец вверх. – Похититель знает Пирского, возможно, даже знаком с ним.

– Или с его дочерью. Уверена, что все те, с кем общалась Лена, прекрасно знали о благосостоянии ее отца, да и матери тоже. Известная в городе семья. Деньги водятся. Похитители могут быть откуда угодно: люди случайные, знакомые, родственники, соседи, даже друзья!

– Или вообще сама Лена решила встряхнуть своих родителей, заставить их вспомнить о своем существовании, элементарно обратить на себя внимание, – предположила Глафира. – У нас и такие случаи бывали, вы же сами помните дело Агаповых. Оксана сама все это придумала, чтобы родители не разводились.

– Но Пирские уже развелись.

– А что, если Лена действительно сама сбежала из дома, ее никто не похищал, и сделала она это не из-за родителей, которых сейчас уже поздно мирить, а из-за этого Валентина Иванова, художника и нового мужа Ольги? – предположил Денис.

Лиза отметила про себя, что Денис обладает удивительным качеством быстро вникать в тему, а уж версий в его голове всегда великое множество. Да и мозги у него всегда в рабочем состоянии, несмотря на время дня, физическое состояние, занятость и усталость.

– Что ты имеешь в виду?

– Может, он приставал к Лене?

– А вот к Валентину Иванову, великому живописцу, ты и отправишься, Глашенька. Попытайся понять, какие отношения существовали между отчимом и падчерицей. Может, он сам спрятал ее, чтобы выкачать из своей богатой жены деньги на очередную выставку? Или просто собирается сбежать от нее и ему нужны деньги, чтобы устроиться за границей. Там, где крутятся большие деньги, где есть люди, способные

заплатить за своих близких, для мошенников просто рай. Да, запиши адрес сестры Пирского Ирины, или Ирены. И номер телефона. Надо бы с ней встретиться. Она может быть с племянницей в сговоре.

Лиза позвонила Сереже Мирошкину:

– Ты отправил палец в лабораторию? И что? Что они там сказали? Понятно... Да, я так и думала. Палец принадлежит молодой девушке... Это было видно невооруженным глазом. Никаких следов... Что-о? А вот это уже плохо. Отец знает? Ему сказали? Позвонили? И что? Ясно... Что ж, на это и был весь расчет. Куда он должен привезти деньги? Он должен положить пакет с деньгами в детскую коляску, которая будет стоять на лестничной площадке в подъезде, в его подъезде? Очень все странно... Но ведь за этой коляской очень легко проследить! Ладно, Сережа... Действуйте.

После разговора с Мирошкиным настроение Лизы испортилось. Глафира с Денисом смотрели на нее молча, догадываясь о главном.

– Палец был отрублен, когда девушка уже была мертва? – предположил Денис.

– Да, палец отрубили или отрезали уже у трупа.

– И Пирскому это не сказали?

– Да, не сказали. Просто надо дожидаться экспертизы, прежде чем травмировать человека. А вдруг это все-таки палец не его дочери!?

– А когда он должен положить деньги в коляску?

– В пять часов вечера.

– Как раз тогда, когда начнется движение, люди будут возвращаться домой...

– Да, еще похититель, а это была женщина, но с измененным голосом, сказал, чтобы в подъезде не было посторонних. И тем более полиции.

– Послушайте, да это просто какой-то розыгрыш! Откуда похитителям известно, кто в подъезде посторонний, а кто нет? Туда может войти кто угодно!

– Значит, этот человек живет в этом доме или подъезде. Это как версия.

– Пирский настроен решительно. Он уже приготовил деньги. В пять часов он спустится и положит пакет в коляску.

– А что сказали про Лену?

– Что как только деньги будут у них в руках, так они сразу же ее отпустят.

– И никаких гарантий, конечно, – вздохнула Глафира. – А что Сережа?

– Дом будет окружен. С пяти часов коляска в подъезде будет под наблюдением. Схватить того, кто попытается взять деньги из коляски, будет просто.

– Не нравится мне все это, – сказал Денис. – Лиза, можно я туда пойду и проверю эту коляску? И подъезд... Эта кажущаяся простота на самом деле может оказаться настоящей ловушкой. Похитители и деньги заберут, и Лену не отпустят.

– Хорошо, поезжай. Только будь осторожен. Мне и самой

все это кажется подозрительным. Даже дети придумали бы что-нибудь посложнее.

– Да тут дело в самом подъезде, – сказал Денис уже у порога. – Это как фокус... Надо быть просто очень внимательным! Возможно, с этой коляской из подъезда выйдет какая-нибудь мамочка с малышом... Может, при движении по улице к ней подбежит похититель и заберет пакет... Вариантов – много!

– Ладно, Денис, поезжай... Может, и правда тебе повезет больше, чем нашим коллегам. Звони, если что... И не забудь навестить подружку Лены!

Он ушел, Лиза села за компьютер. Набрала имя художника, отчима похищенной Лены. На экране появился портрет молодого человека. Приторная красота с налетом одухотворенности. Тонкие черты, большие темные глаза, густые длинные волосы.

– Он похож на девушку, ты не находишь, Глаша?

Глафира взглянула на экран:

– Он похож на бабника. Смотри, какая смазливая физиономия! Вполне допускаю, что между этим живописцем и пропавшей девочкой существовали отношения. Пусть не близкие, но все равно какие-то такие, из-за чего ей пришлось уйти из дома...

– Постой, Глаша, ты думаешь, что Лена была влюблена в Валентина?

– А почему бы и нет? – Лицо Глафиры стало розовым.

– А я к тебе на дымок! – открыла калитку и вошла в сад Ирины соседка, Татьяна.

Ирина Пирская, невысокая, хорошо сложенная женщина неопределенного возраста, в джинсах и мужской клетчатой рубашке, в глубине заросшего садовыми деревьями дворика у беседки жарила на гриле мясо. Услышав голос соседки, она сунула руку в карман, нащупала пачку сигарет и улыбнулась про себя: есть!

Соседка Татьяна, симпатичная молодая женщина, мама троих малышей, время от времени забегала к ней покурить, выпить чашку кофе и просто перевести дух. Семья с апреля до заморозков жила за городом, а уж хлопот по хозяйству было столько, что бедная Таня спала всего несколько часов в сутки.

Шорты, майка, на голове кепка, скрывающая чудесные волосы Татьяны, зеленые, как крыжовник, глаза.

– Ты себе, что ли, столько мяса жарить?

– Конечно, нет! И тебя с твоими детишками угощу, и еще, может, кто придет на огонек...

– В смысле? Ты кого-нибудь ждешь?

– Не в этом дело... Мы же с тобой со вчерашнего вечера не виделись... Вот как попили чай вечером на террасе, ты ушла домой, а я еще долго сидела, воздухом дышала, потом

почитала стихи, и такая, знаешь, меня благодать охватила, так хорошо на душе стало, что одна мысль, как змея, вползла в голову и все испортила...

– Не пугай, мы и так пуганые! – перекрестилась Татьяна. – Что случилось-то? Что за мысль?

– Мысль, что не может вот так хорошо быть, что обязательно после такого вот непонятого счастья произойдет что-то нехорошее... И точно. Позвонила Олечка, сноха моя, плачет в трубку, просто слезами заливается. Племянница-то моя так и не нашлась!

– Лена? Да, ты говорила, что она вроде как к подружке ушла...

– Да это я так думала. Понимаешь у них не все в порядке в семье. Родители развелись, Оля снова замуж вышла. Они же Леночку совсем забросили. Оля занимается своей личной жизнью вместо того, чтобы поговорить с девочкой, ведь у нее возраст-то какой, ей многое нужно объяснить, чтобы ошибок не наделала, понимаешь? Они мотаются по заграницам, устраивают свои дела, зарабатывают деньги, а девочка предоставлена самой себе! Миша, брат мой и отец Лены, тоже занятой человек. Он бы взял к себе Лену, так она сама не хочет. И вот сейчас она пропала. Исчезла. Оля говорит, что документы ее дома, что не похоже, чтобы она сама сбежала. Вещи вроде бы все на месте. Но рюкзачка, с которым она практически не расставалась, нет. А потому нет ни телефона, ни банковских карт, ни наличных, как ты понима-

ешь. То есть она вполне могла сбежать и с одним рюкзаком, или ее похитили, как считает Миша. Рассказал мне по телефону совершенно бредовую историю о том, что прислали ее отрубленный палец!

– Палец? И ты говоришь об этом так спокойно?

– Ну, подумай сама: если бы ты похитила человека, то что стала бы делать, чтобы получить деньги?

– Ну... Позвонила бы, попросила выкуп. Назначила бы время и место передачи денег. Предупредила бы, чтобы в полицию не обращались, если хотят дочку живой увидеть. Ну все как всегда.

– Правильно! Однако «наши» похитители сперва отправили Мише конверт с якобы ее отрубленным пальцем и только потом назвали сумму... Я понимаю Мишу, он совсем голову потерял, переживает сильно, боится, что Лена истекает кровью, что умрет. Я ему говорю: включи мозги, Миша! Не ее это палец! С чего бы это им рубить ей палец?!

– Ирена, но ведь дело-то серьезное... Вот если бы кому из моих ребят отрубили палец, я бы все деньги выложила, квартиры бы все продала, сама бы себя продала, только чтобы волос с их головы не упал!

– Вот именно, – вздохнула Ирена, задумчиво глядя на раскаленные угли. – На это весь их расчет! Похитители играют на родительских чувствах, а потому уверены, что им дадут деньги. Вот помяни мое слово – не ее это палец. И никто ее не похищал. Глупости все это! Я знаю свою племянницу, у

нее непростой характер, а еще она много страдает... Она наверняка сама ушла. Чтобы пожить одной, подумать, как ей жить дальше. Уверена, что она скоро объявится.

– Но где она может быть?

– Не у подружек, я думаю. Иначе ее бы давно уже вычислили. Думаю, села на поезд и поехала куда-нибудь в деревню. Сняла комнату у какой-нибудь бабушки и отсыпается. – Ирена вдруг улыбнулась. – Да потому что я сама такая в молодости была! Поссорилась как-то с родителями, в Каменку укатила, к бабушке одной своей подружки. Мы там пили парное молоко, купались в речке, целовались с местными парнями, рыбу ловили... А родители сходили с ума, искали меня...

– И сколько времени ее уже нет дома?

– Неделя прошла. – Ирена поворошила угли. Аромат жареной свинины смешивался с благоуханием первых майских роз, пышные кусты которых росли рядом с беседкой.

– Она звонила тебе? – тихо спросила Татьяна, облизывая пересохшие губы. – Ты знаешь, где она?

– Конечно, нет! Вот, жду гостей из прокуратуры или полиции, я так толком и не поняла... Какая-то женщина придет, чтобы задать мне вопросы. Сказала – помощник адвоката. Да только при чем здесь адвокат? Или прикатит целая компания – и прокурорские, и полиция, и адвокат...

– Ты же знаешь, где она? Я же чувствую, что знаешь! Если бы не знала, то не была бы такой спокойной. Ты же любишь

свою племянницу.

– Нет, я не знаю, где она, честно, – сказала Ирена. – Но сердце подсказывает мне, что с ней все в порядке. Переживает где-то время, возможно, ей просто хочется побыть одной... Ну вот, все готово! Главное – не пересушить мясо! Постой минутку... Я сейчас принесу тарелки.

Ирена ушла в дом и вернулась с тарелками, вилками и хлебом.

– Присаживайся, – она пригласила соседку в круглую беседку, в центре которой стоял овальный стол, окруженный плетеными креслами. – Давай поедим... С пылу с жару!

Она принесла раскаленную решетку, выложила дымящееся мясо на блюдо.

– Угощайся! Как там твои мальчишки?

– Уложила... У тебя сигаретки не найдется?

– Конечно, найдется!

...Таня ушла, Ирена сложила оставшееся мясо в контейнер, вышла из дома и, заперев калитку, быстрым шагом направилась на окраину Вязовки, к садам. Перешла утопающий в зелени ив мост через пересохшее русло реки, свернула вправо, где перед ней открылся вид на зеленые поля и дорогу, ведущую к небольшому хвойному лесу.

Она почти бежала, не оглядываясь, пока не вошла в прохладу леса, прошла еще немного и вышла к густым зарослям ив, за которыми увидела прямо перед собой высокую бетонную ограду с массивными черными воротами и желез-

ной дверью, встроенной в бетонную стену. Там, за оградой, она знала, был дом. Большой, хоть и одноэтажный, словно специально построенный таким, чтобы его не видно было из-за забора.

Ирена позвонила условными короткими сигналами и замерла. Вскоре послышался звук шагов, железная дверь открылась.

– Я мясо принесла, – сказала она мужчине, который появился перед ней. Средних лет, с шапкой серебристых волнистых волос. На нем был рабочий комбинезон, испачканный землей. – Оно еще теплое.

– Спасибо, Ирена, – улыбнулся мужчина.

– А ты все в саду работаешь?

– Мне вчера привезли новый Дэвид Остин, три штуки! Там внутри посылки был каталог... Посмотришь, если тебе что-нибудь понравится, я тебе тоже закажу. Ты чего сегодня такая нерешительная? Заходи! Надеюсь, ничего не случилось? У тебя встревоженный вид.

– Нет-нет, все в порядке. Просто ко мне должны сейчас приехать. Через полчаса. У меня племянница пропала, ее все ищут... Мой брат поднял на уши весь город, между тем я считаю, что ничего с ней не произошло, что она просто захотела немного побыть одна, заодно встряхнуть родителей, которые не обращают на нее внимания. Сейчас вот и ко мне приедут, будут задавать какие-то вопросы.

– Уверен, с ней все в порядке, – сказал мужчина. – Может,

тебе требуется моя помощь?

– Я позвоню тебе, когда все уедут, и расскажу. Уж не знаю почему, но на душе у меня почему-то спокойно. Обычно я чувствую приближение беды, а сейчас – нет.

– Да все нормально будет! Хорошо, я буду ждать твоего звонка. Вечером поговорим.

– Спасибо, Гриша. Ну все, я пойду?

Она так же стремительно покинула лес, а когда шла по мосту, то навстречу ей, с электрички, шла целая группа женщин с пустыми корзинами и ведрами – дачники.

Она шла и думала о Григории.

Они познакомились два года тому назад, совершенно случайно. Просто вместе покупали молоко. Открылась калитка, и она увидела мужчину спортивного телосложения, которому можно было из-за необычайно густых, хоть и седых волос дать и тридцать, и все пятьдесят. Некоторые люди сидят очень рано.

Он купил у Марины, местной молочницы, два литра молока и ушел.

– Кто это? – спросила Ирена у Марины. – Дачник?

– Нет, это не дачник. Это сторож. Он уже много лет живет, охраняет дом на отшибе. Приятный, вежливый такой мужчина. Но ни с кем не общается, живет как бирюк.

Второй раз Ирена встретила его возле аптеки. Мужчина, которого она сразу же узнала, стоял, скорчившись перед закрытыми дверями аптеки, и стонал от боли. Сказал, что у

него снова воспалился желчный пузырь, что боли просто адские, что до города он не доедет. И тогда Ирена предложила ему, на свой страх и риск, сделать укол обезболивающего, добавив при этом, что камни в желчном пузыре все равно придется удалять, что операция неизбежна.

Он был на своей машине, они быстро доехали до дома Ирены, где она сделала ему укол, потом он отлежался, сказал, что ему уже лучше. Она предложила ему чаю, но он отказался.

Потом встретила Григория в магазине, где тот покупал хлеб. Они поздоровались уже как друзья, и теперь уже он пригласил ее в дом, сказал, что у него есть копченая рыба, сам закоптил. Ирена согласилась. Ей было любопытно взглянуть на дом, который в течение многих лет охранял Григорий. Понять, что же там такого ценного, что хозяева платят ему в течение такого долгого времени.

Дом на самом деле оказался обыкновенным, одноэтажным, но с большим количеством комнат и уютным. Больше всего ей понравилась просторная кухня, оснащенная всем необходимым.

Григорий угостил ее не только копченой рыбой собственного изготовления, но и накормил обедом. Оказалось, что он хорошо готовит. На вопрос, зачем хозяевам понадобилось охранять дом, он, казалось, не знал, что и ответить.

– Думаю, что хозяйка боится, что его разграбят или подожгут, – сказал он. – Но я, как вы понимаете, никогда не

стал бы ее отговаривать содержать этот дом или охранять, ведь это мой заработок. К тому же я ее где-то понимаю. Она – деловая женщина, много работает, зарабатывает деньги, и ей, как и любому человеку, время от времени требуется отдых, спрятаться вот в таком вот тихом и теплом доме, чтобы набраться сил. А зачем же еще деньги, как не для того, чтобы создать себе такой вот незамысловатый комфорт? Как видите, здесь нет ничего особенного, никакой роскоши, дом простой и очень удобный.

– А вы, у вас есть семья?

– Да, конечно. Я женат, у меня очень хорошая и понимающая жена. В моем возрасте трудно найти хорошую работу, а здесь у меня не так много обязанностей, а платят хорошо.

– Но почему же вы тогда не перевезете сюда свою жену?

– Да потому, что это не наш дом, и я здесь только работаю. Сторожу, топлю, слежу, чтобы все было в порядке. У нас с женой есть квартира в городе, и только там я чувствую себя по-настоящему дома.

– Но выходные-то у вас есть?

– Конечно! К тому же я всегда, в любое время могу спокойно поехать в город, домой, к жене. Я совершенно свободен, понимаете? Да и с хозяйкой мне повезло. Она спокойная и очень добрая, понимающая женщина.

Так, случайно познакомившись, они стали изредка перезваниваться, видаться, помогать друг другу. Григорий несколько раз бывал у Ирины, ремонтировал ей электропро-

водку, и она кормила его ужином. Ирена тоже бывала в доме Григория, подсказывала ему что-то по хозяйству, угощала его пирогами. Помимо обыкновенной человеческой симпатии у них было еще нечто общее, о чем они могли говорить подолгу и со страстью: цветы! Григорий был начинающим садоводом и большей частью цветы заказывал в магазинах. Ирена же научила его выращивать «родные» цветы – из семян, корешков, рассады, листика.

Визиты и звонки между ними прекращались, когда к Ирене приезжала Лена, племянница: сложно было бы ей, совсем юной и романтической особе, объяснить, что никакого романа между Иреной и Григорием нет и быть не может. Что они просто друзья. Да и Григория не хотелось ставить в неловкое положение.

...Ирена еще издали увидела большую красивую машину рядом со своим домом. И сердце, до этого спокойное, вдруг захлестнула волна тревоги. Она вдруг отчетливо вспомнила, что сказала ей женщина по телефону: «Я адвокат, мне надо поговорить с вами о вашей пропавшей племяннице...»

Почему адвокат?

Ирена подошла к машине и увидела сидящую за рулем молодую женщину. Та, в свою очередь, увидев ее, поспешила выйти из машины.

Элегантная, ухоженная женщина совершенно не походила на представителя адвокатской братии, скорее – на изнежен-

ную домохозяйку.

– Вы Ирена? – спросила гостя, улыбаясь, словно тем самым желая расположить Ирену к себе.

– Да, это я. А вы, стало быть, адвокат?

– Да, меня зовут Елизавета Сергеевна Травина. Но можно просто Лиза. Нам надо поговорить, Ирена.

– Хорошо, проходите.

– Какая у вас тут красота! Сколько роз! И такой повсюду порядок!

– В беседке поговорим или хотите пройти в дом?

– Конечно, в беседке!

– Может, чаю? С травами?

– С удовольствием!

Нет, не похожа она была на официальное лицо. Зачем она приехала? Почему адвокат? Почему?

Ирена разволновалась. Принесла чай, мед, печенье.

Солнце проникало в беседку через резную деревянную решетку, которая была увита мелкими розовыми розами. Ирена вдруг поймала себя на том, что это хорошо, что беседовать они будут все-таки на ее территории, а не в казенных стенах, куда ее могли бы пригласить. Хотя откуда все эти мысли? И почему в груди стало так холодно, словно она проглотила кусочек льда?

– Я понимаю, вы недоумеваете, зачем я приехала к вам. Казалось бы, адвокат... Но дело все в том, что, помимо адвокатской деятельности, я занимаюсь еще и другими веща-

ми, в частности розыском.

Ирена покачала головой, показывая, что понимает цель ее визита: ищут Лену!

– Ирена, ваша племянница, Лена, пропала. Ваш брат, Михаил Пирский, сходит с ума, разыскивая ее, в то время как Лена, судя по сигналам, которые издает ее мобильный телефон, находится здесь! У вас!

– У меня? Ничего подобного! – Ирену моментально бросило в жар.

– Послушайте, я не знаю, какие отношения связывают вас с вашим братом, но...

– Ладно, я расскажу, раз уж все так крепко закрутилось, завертелось и мой брат прибегнул к вашей помощи. Да, действительно, Лена была у меня. Она умная девочка и отлично понимала, что родители будут ее искать, поэтому оставила свой телефон здесь. Мы же все теперь грамотные, фильмов насмотрелись, знаем, что по телефону можно вычислить местоположение человека. Так вот, она на самом деле сбежала из дома, ушла и не хотела, чтобы ее в ближайшее время нашли. Если вы хотя бы немного знаете, что это за семья... Вернее, у нее нет семьи. Родители живут каждый своей жизнью и совершенно ею не занимаются. Вот она и решила их проучить. Может, с моей стороны было жестоко вот так замалчивать это, но им обоим, Мише и Ольге, нужна была эта встряска, чтобы они вспомнили о существовании дочери, что помимо денег, которые они ей дают, ей нужны их лю-

бовь, внимание. Да что там, вы и сами все отлично понимаете! Весь город знает о романе Ольги с этим художником... Да ладно бы просто роман, так она же вышла за него замуж! А дочь совсем забросила! А у нее такой возраст, сами понимаете, трудный...

– Где Лена?

– Я не знаю, где она, но уверена в том, что она в полной безопасности. Предполагаю, что она поселилась на время в каком-нибудь пансионате... Или у подруги. А может, в какой-нибудь деревне... – Ирена вспомнила свои девичьи отчаянные путешествия.

– Прошла целая неделя, как ее нет! Вам не кажется, что ее отсутствие сильно затянулось?

– Значит, скоро объявится.

– Ирена, думаю, вы не в курсе... Вашему брату прислали отрубленный палец, предположительно вашей племянницы! Ирену как током ударило.

– Палец? Какой еще палец?

– Мы точно пока еще не знаем, ее ли это палец, но объявились похитители, которые требуют с Михаила огромную сумму денег!

– Глупости! Это просто чья-то идиотская шутка! Но только не Ленина! Лена бы так не стала шутить... Чушь! Палец?!

– Михаил намерен заплатить двести тысяч евро, чтобы только вернуть Лену.

– Ужас! Я ему сейчас же позвоню и скажу, чтобы он ни в

коем случае этого не делал!

— Вы, конечно, вправе это сделать, но не думаю, что он вас послушает. Он настроен крайне решительно.

И Лиза рассказала ей подробности, связанные с выкупом.

— Ну, точно глупость! В детскую коляску?

— Но палец-то реальный! Мы ждем результатов экспертизы, чтобы выяснить, действительно ли этот палец принадлежит вашей племяннице, но это не так быстро делается... А времени у вашего брата мало. Он собрал деньги и намерен завтра положить их в эту коляску!

— И что же делать?

— Вот уж не знаю... Постарайтесь вспомнить, что вам говорила Лена. Куда она собирается? Был ли у нее еще телефон?

— Не знаю...

— Вы ей не давали свой телефон?

— Конечно, нет! Да она у меня и не просила! Боже, что же это такое получается?

— А что, если она на самом деле решила уйти из дома, но до того места, куда она собиралась, она не добралась, а тот, кто знал о том, что она ушла из дома, решил сыграть на этом и похитил ее?

— Я сон вижу или... Господи, что же делать? Нет, она ничего конкретного мне не говорила. Я на самом деле не знаю, где она! Я должна срочно поехать к Мише. Прямо сейчас! Что же я натворила?! Я ведь хотела как лучше!

– Они, Михаил и Ольга, звонили вам, спрашивали про Лену?

– Да, но это было давно, дней шесть тому назад. Я сказала им, что не знаю, где она. И это правда! Я же действительно не знаю, где она!

– А вам не показалось странным, что племянница не оставила вам свои координаты, даже номера телефона, возможно, запасного, поскольку современный человек, а уж тем более девушка, не может обойтись без телефона. Если предположить, как вы говорите, что она могла прятаться где-нибудь в деревне или пансионате, то тем более у нее должен быть телефон. К тому же у нее наверняка есть подруги, которые в курсе ее перемещений... Вернее, в курсе всей ее жизни, ее отношений с родителями.

– Конечно, у нее есть подружки, она же нормальная, общительная девочка. Другое дело, что я с ними не знакома. Лена всегда приезжала ко мне одна.

– А что она у вас тут делала? Как проводила время?

– Мы с ней откровенно бездельничали, отдыхали, я пекла пироги, мы смотрели фильмы по Интернету...

– У вас есть компьютер?

– Да, конечно, и не один! По сути, я зарабатываю на хлеб в Интернете, веду свой блог и все такое... Я цветовод, кроме того, увлекаюсь кулинарией, пишу статьи, занимаюсь рекламой и продвижениями других сайтов за деньги. Думаю, вы в курсе, как можно зарабатывать деньги, не выходя из дома.

– А у Лены есть ноутбук?

– Думаю, что у Лены есть все, что нужно, уж она-то никогда и ни в чем не нуждалась, да только ко мне она приезжала без ноутбука, потому что у меня своих целых три! Зачем ей таскаться со своим?

– Она «чатилась» ночами в социальных сетях? Вы не знаете?

– О нет, она считает, что это пустая трата времени. Мы с ней очень любим кино, и ночами она смотрела фильмы. Мы уходим каждая в свою комнату, и я знаю, что она еще долго не будет спать, будет смотреть кино или слушать музыку. Еще ее интересовали, как и каждую девушку, ролики с прическами, макияжем, ну и все такое, женское...

– У нее есть молодой человек?

– Думаю, что нет. Знаю, что она изредка перезванивалась с подружками, говорила с ними о том, где встретиться, в каком, к примеру, кафе. Обсуждали какие-то свои школьные дела.

– Она не рассказывала, как у нее дела в школе, вернее в лицее?

– Она прекрасно учится, без напряжения, ей учеба вообще дается легко. Она очень способный и даже талантливый, я бы сказала, ребенок. У нее никогда не было проблем с учебой, можете спросить у ее бестолковых родителей. Да им просто повезло с ней! Так что, Лиза, вы считаете, что Михали не надо останавливать в его порыве расстаться со своими

деньгами? Какая там, вы говорите, сумма?

– Двести тысяч евро. Не такая уж и маленькая. Но передача денег будет происходить под контролем, как вы понимаете. Кто же это позволит нажиться на горе родителей? К тому же этот способ передачи, как вы и сами заметили, заставляет задуматься о возрасте так называемых похитителей...

– Значит, и вы тоже предполагаете, что это розыгрыш?

– Не знаю... В моей практике шуток на эту тему, к сожалению, не было. Всегда все было серьезно и даже трагично, извините...

– Да, конечно, я тоже понимаю Мишу. И хотя это действительно большие деньги, у Миши они есть, к счастью... Господи, что теперь со мной будет?

– Вы о чем?

– Пожалуйста, не говорите ему о том, что Лена была у меня, что я знала, что она сбежала из дома, знала, что она в безопасности, и не сообщила брату. Он меня не простит. Как и Ольга. Вероятно, я была слишком жестока, желая подыграть Лене и наказать родителей!

– Да не переживайте вы так о ваших отношениях с братом, я ему, конечно же, ничего не скажу. Главное для нас всех сейчас – это отыскать Лену! Вы сказали, она оставила у вас свой телефон?

– Да, я сейчас вам его принесу.

Ирена, войдя в дом, почувствовала легкое головокружение.

«Что же я наделала? Как могла? Вроде взрослый человек...» – бормотала она про себя, входя в комнату, которую облюбовала для себя Лена, когда гостила в Вязовке. Диван, покрытый клетчатым пледом, письменный стол, красные занавески, пальма в углу в большом керамическом горшке. Ирена отметила про себя, что надо бы помыть растение, привести в порядок.

Телефон Лены лежал на столе. Разряженный. Она отнесла его Лизе.

Определенно, эта молодая адвокатша знает свое дело. У нее такие умные глаза, а когда она смотрит, то, кажется, прожигает насквозь душу и сердце. Вероятно, она осуждает Ирену за ее легкомыслие и жестокость. И ведь она права! Ну почему Ирена не спросила номер запасного телефона Лены, ведь он наверняка существует!

Отпустила девочку, ничего толком не узнав, поддавшись, как и Лена, порыву, разозлившись на Ольгу, которая только и знает, что откупается от дочери и всю себя отдает этому парню. И это она еще не знает, что у Валентина есть любовница. Ирене позвонила одна знакомая и рассказала об этом.

И по-хорошему надо бы предупредить Ольгу, открыть ей глаза на этого «живописца»! Да только кто знает, каких ждать последствий? Она женщина эмоциональная, живет страстями, измена может вызвать в ней всплеск самых разных чувств, главным из которых будет ненависть к Валентину. А что, если она его убьет? Ударит чем-нибудь тяжелым

по голове в порыве чувств? Или подожжет его мастерскую?! Или сделает что-нибудь с его молоденькой любовницей?!

Ирена вдруг поймала себя на том, что мысли, не такие уж и важные в этот момент, наслаиваются одна на другую, словно стремясь отвлечь ее от главного: с Леной беда! И надо что-то предпринимать, как-то действовать!

– Думаю, мне надо поехать в город, встретиться с Мишей, повиниться перед ним, все рассказать... Может, мне тоже принять участие во всем этом, – Ирена обвела руками пространство вокруг себя. – Я имею в виду операцию по задержанию похитителей? Ну, там ловля на живца... Господи, что я несу?!

– Знаете, вы правы. Вам действительно нужно поехать к Михаилу хотя бы для того, чтобы поддержать его. А уж расскажете ли вы ему правду о Лене или нет, вам решать.

В этот момент Лизе позвонили. Она слушала, глядя невидящим взглядом на Ирену. Тонкие брови ее хмурились, уголки губ опустились.

– Плохо, Сережа, – услышала Ирена. – Очень плохо. Кажется бы, обыкновенный, типовой, я бы даже сказала, подъезд! Откуда взялась вторая коляска? Хорошо, я выезжаю.

Она отключила телефон, посмотрела на Ирену:

– Похитители назначили время, ваш брат пошел и положил пакет с деньгами в детскую коляску, за которой, конечно же, велось наблюдение... Потом вышла женщина, положила ребенка в коляску и вышла с ней на улицу. За ней следили.

Она приехала в небольшой сквер позади дома, села на скамейку, достала книгу и принялась ее читать. Ребенок спал в коляске. Опустим подробности... В коляске денег уже не было! И женщину обыскали, и ребенка! Все были в шоке, женщина – в первую очередь.

– Как это? Куда же делись деньги?

– Коляску подменили... На первом этаже два дня тому назад сдали квартиру какому-то молодому человеку. Думаю, что, пока наши люди следили за подъездом, он просто-напросто открыл дверь, вкатил к себе коляску с деньгами, а пустую, точно такую же, выставил на лестничную площадку. Или проделал какой-нибудь еще фокус с коляской.

– Но почему же не следили за коляской?

– Вот так следили!

– И что же? Может, Лена объявится? Может, теперь ее отпустят?

– Никто ничего не знает. Вы едете в город? Собирайтесь!

– Я на своей машине...

Ирена чуть не плакала. До нее начал доходить весь ужас создавшегося положения. Отрубленный палец! Да это же зверство какое-то!!!

Она проводила Лизу до ворот и, когда ее машина отъехала, быстро вернулась в дом, переоделась. Уже на пороге решила поделиться своими переживаниями с Григорием:

– Гриша? Это я... Послушай, у меня племянница пропала...

И она, расплакавшись, рассказала ему о своей беде.

– Ну что, что он тебе сказал, этот проклятый Цилевич? Снова завел свою старую песню о том, что нам с тобой надо сделать одно шоу вместо двух и, конечно же, оно должно называться «Скелет в шкафу»?! Да, может быть, когда-то это и было хорошее название, но сейчас оно уже навязло на зубах...

– Саша, успокойся, прошу тебя!

Инга Туманова, жена известного тележурналиста Александра Нечаева, автора проекта «Открой глаза», и тоже звезда местного экрана и телеведущая своего авторского шоу «Скелет в шкафу», высокая эффектная блондинка, в шелковом зеленом халате нараспашку и шлепанцах бегала по огромной квартире за мужем и пыталась его успокоить:

– Саша, да остановись же ты, поскользнешься на этом паркете, будь он неладен... Помнишь, три года тому назад тетя Тома упала у нас в гостиной, сломала ногу? Остановись, да стой ты, истеричка! – крикнула она и, поймав его уже у окна, с силой схватила за руку и попыталась удержать. – Отдышись, успокойся... нервы твои уже ни к черту!

Нечаев, высокий крепкий темноволосый мужчина в черном махровом халате, схватил руки жены в свои и с силой сжал. Несколько мгновений смотрел ей прямо в глаза, и от его взгляда Инга даже зажмурилась.

– Ты дура, Инга, понимаешь это или нет? Как можно было завалить такое шоу? Что ты сказала этой Ларисе Тунцовой? Что-о-о??? Как заманила на свой проект? Денег тупо пообещала? И это ей, жене олигарха?

– Послушай, Саша, ты же сам меня учил... – Она вырвалась из цепких рук мужа и, морщась от боли, стала потирать запястья. – Что главное в нашем деле – чтобы эти люди пришли, любой ценой заставить их прийти, заманить, хоть деньгами, хоть придумать что-то фантастическое. Лишь бы они поверили и оказались в студии!

– Послушай, Инга, но мозги-то у тебя есть? Разве ты не понимаешь, что когда связываешься с олигархами или просто очень богатыми людьми, то надо быть все же осторожной! Ты что-нибудь знала об этом Тунцове, кроме того, что он муж Ларисы Сметаниной?

– Ну так, в общих чертах, что он богат, что у него серьезная строительная фирма, что они построили в Подмосковье целый город!

– А то, что этот Тунцов на прошлой неделе принимал участие в шоу на центральном российском канале, куда его пригласили как человека, построившего на свои деньги онкологический центр для детей, об этом ты что-нибудь слышала?

– Нет, не слышала... – Инга рухнула в кресло и закрыла лицо руками.

– Ты – корова! Бестолочь! Хотела опозорить уважаемого человека... Ну и что, что его жена была проституткой?! Да, я

понимаю, у тебя шоу и тебе хотелось вымарать в грязи саму Ларису, которая теперь мать двоих малышей и хозяйка студии ландшафтного дизайна... Ладно, бог с ней, ей не привыкать к грязи, она-то переживет! Но Тунцов!

– Саша, успокойся, все же закончилось хорошо!

– Ты так считаешь?

– Разве я могла предположить, что между ними такие доверительные отношения, что Тунцов окажется таким порядочным человеком...

– Порядочным? Какое-то слабенькое слово ты ему подбрала... Да он человек с большой буквы! Он тебя «сделал», Инга! Он развалил твоё шоу! Он высмеял тебя, дуру, которая вместо того, чтобы унизить бывшую шлюху, сама унизилась в глазах огромной аудитории!

– Ты не должен так разговаривать со мной... Ты и сам сделал бы так же, если бы у тебя был материал на эту Ларису...

– Сделал бы, да только преподнес бы это под другим соусом. Вместо «Открой глаза» на жену-проститутку я бы «открыл» глаза зрителей на тяжелое, к примеру, детство человека, который столько добился сам, без чьей-либо помощи. Согласись, это принципиально разные вещи. Я бы возвысил Тунцова, и всем было бы от этого хорошо. Что же касается рейтинга, то само участие такого человека, как Тунцов, повысило бы его! Мы, провинциальные телевизионщики, получилось бы, заманили к себе в студию такого человека!

– Но рейтинги у моего шоу зашкаливают! Почему ты на

меня кричишь?! Все же нормально!

– Уф, Инга, ну ты точно непроходимая, дремучая дурища! Ты думаешь, что вокруг все идиоты и не поняли, что ты пригласила Тунцова, чтобы показать, кем в прошлом была его жена? Ты ожидала, что будет скандал, что у миллионера челюсть отвалится, когда он узнает, что его жена обслужила в постели пол-Москвы, что ему будет плохо, очень плохо, что он будет раздавлен, уничтожен, что его репутации, наконец, придет конец!

«Дремучая дурища». Хорошо, что Маши, домработницы, нет дома, она поехала на рынок. Вот она послушала бы, как костерят ее хозяйку!

– Ну да... А ты разве действуешь не такими же методами? И разве ты, придумав подобный сюжет и добившись того, что все участники появятся в прямом эфире, разве ты не ожидал бы скандала? Да мы только ради скандалов все это и делаем! Ну, признайся, Саша, разве ты мог бы предположить, что Тунцов, весь такой великий Тунцов, расскажет аудитории и всем телезрителям, что да, он все знал, кем была в прошлом его жена, что между ними никогда не было тайн и что они познакомились, когда он был ее клиентом! Он не побоялся признаться в том! И сразу же влюбился в Ларису и сделал все, чтобы вытащить ее из борделя... Ну и что, что все пошло не по моему сценарию? Все получилось даже лучше, чем можно было предположить. Тунцов стал вообще героем! О нашем шоу будут писать все газеты, причем не толь-

ко местные! Да он и не попал бы к нам никогда, если бы не жил в нашем городе!

Инга отдышалась, смахнула катящиеся слезы, глубоко вздохнула:

– И вообще, Саша, у меня создается такое впечатление, что ты просто завидуешь мне! Моему успеху! И кто тебе сказал, что все подумали, будто бы должен был быть скандал, связанный с унижением Тунцова? Главное в нашем шоу – неожиданность! И мы ее получили в виде признания Тунцова! Это же была настоящая бомба!

– Да это он на твоём шоу вел себя так спокойно. Это было видимое спокойствие. Думаешь, у него нет сердца, души? Думаешь, ему было все это приятно?

– А когда это тебя стали волновать сердце и душа? Ты сам разрушил столько семей, твоё шоу «Открой глаза» некоторым людям, извини меня, конечно, закрыло глаза...

– А ты жестокая! – Нечаев сощурил глаза и бросил на жену презрительный взгляд. – Вот точно говорят: самую сильную боль способны причинить только близкие люди, которые все о тебе знают и знают, как ударить побольнее... Та женщина была истеричкой, она и без моего шоу повесилась бы... Ты ещё раструди это, расскажи журналистам! Сука ты, Инга, вот что я тебе скажу.

– А ты изменился, Саша, – всхлипнула Инга, забираясь в кресло с ногами и обнимая колени. Обида скрутила ее так, что было трудно дышать. – Раньше ты помогал мне, совето-

вал, как сделать лучше... И к моим советам тоже прислушивался...

– Раньше... – стиснул зубы Нечаев, судорожно закуривая. – Ты еще скажи, что мой первый проект был полностью оплачен твоим папашей! Ну, давай же, упрекни меня, как ты это любишь делать!

– А разве это не так? – Она подняла на него полные слез глаза. – Он и мне помогал на первых порах. И не только деньгами, но и связями. Он был крупным чиновником, умным человеком, он понимал, что у нас с тобой все получится, знал, что ничем не рискует, вкладывая в нас эти деньги! А ты сейчас истеришь лишь потому, что тебе уже доложили о том, что Цилевич вызывал меня к себе. Да, действительно, он вызывал, и мы говорили с ним. Но не о том, чтобы сделать из двух похожих шоу одно, нет, он прекрасно понимает, что у нас с тобой хоть и похожие проекты, но у тебя все-таки больше мужской, а у меня – женский, в моем шоу больше чувств! А у тебя самые что ни на есть серьезные разоблачения, настоящие бомбы...

– Это он так сказал? – напрягся Александр, затягиваясь сигаретой так, что его щеки, как будто сделанные из тонкого пергамента, вваливались, и в какие-то мгновения его голова становилась похожа на обтянутый кожей череп.

– Ну не совсем так, он сказал это другими словами. Я же передаю тебе суть разговора.

– Уж не хочешь ли ты сказать, что он позвал тебя, чтобы

поговорить о моем шоу? – в его голосе звучала издёвка.

– Нет, конечно, не для этого. Он выразил свое восхищение моим последним эфиром... с Тунцовым... Сказал, что это была настоящая бомба. Однако заметил, что он нервничает, боится реакции Тунцова на эту программу и того, что будет реакция в обществе, причем негативная...

– А ты что?

– Постаралась его успокоить, сказала, что наше шоу – это все-таки не Первый канал, не тот уровень и масштаб... И что Тунцов предстал перед зрителями настоящим благородным героем! Что он не оскандалился. Еще Цилевич намекнул, что и тебе тоже не помешало бы придумать сюжет, связанный с жизнью известной в городе семьи, что хватит уже копаться в грязном белье обывателей.

– Он так и сказал – «обывателей»? Надо же, как телевидение превращает людей из славных добрых парней, каким Лева был в пору нашей юности, в бессердечных циников!

– Думаю, он выразился так, чтобы было понятно, чего он именно хочет.

– Лева хочет скандалов, связанных с сильными мира сего, точнее, нашего города?

– Не уверена, что именно с «сильными», во всяком случае, небедными и известными. Это может быть, к примеру, какая-нибудь актриса, наша, местная, которая выбилась в «звезды», переехав в Москву. Возможно, здесь она оставила в роддоме ребенка или что-нибудь в этом духе... Или же

зарвавшийся чиновник, возомнивший себя Господом Богом. Или...

– А что ты думаешь по этому поводу? – немного успокоившись, поинтересовался Нечаев.

– Да тут все просто! Криминал! Хорошо бы найти известную семью, у которой проблемы, связанные с нарушением закона. Убийство, наркотики, мошенничество в крупных размерах, сексуальные преступления... Последнее – самое интересное! И тут без наших друзей из прокуратуры не обойтись.

– Постой... Ты же знакома с Михаилом Пирским?

– Не могу сказать, что знакома близко, но несколько лет тому назад брала у него интервью. Колоритная личность, очень харизматичная. Он столько делает для города! Большой умница, да и мужчина довольно привлекательный.

– Ты что, влюблена в него? – проворчал Нечаев. – И харизматичный, и привлекательный... Обыкновенный мужик, которому крупно повезло в самом начале карьеры.

– Обыкновенный миллионер, – тихо заметила Инга. – Он очень богат. Так что с ним случилось? Почему ты о нем вспомнил?

– Да мне вчера сказали, что у него похитили дочь. Пирский с женой разошелся, и она быстренько вышла замуж...

– Я знаю, за кого Ольга вышла замуж. За Валентина Иванова, художника. Об этом все знают. Неужели дочку похитили? А сколько ей?

– Шестнадцать-семнадцать, как-то так, она лицей заканчивает.

– Значит, точно семнадцать. И что, ты знаешь какие-нибудь подробности?

– Нет, пока ничего не знаю.

– Так узнай! Можно не только передачу сделать, но и снять небольшой фильм, а потом предложить ведущим каналам в Москве. Главное, чтобы это оказалось правдой... Я имею в виду похищение. Да уж, представляю, каково сейчас Пирскому! У него единственный ребенок, дочка, кажется, ее зовут Лена.

– Послушай, не труби об этом повсюду... Похищение – дело опасное, возможно, Пирский скрывает это, чтобы не спугнуть похитителей, понимаешь? Официальной информации по этому делу, думаю, пока нет.

– Не собираюсь я трубить! Но постараюсь все выяснить. Я даже знаю человека, который мне в этом поможет.

– И кто же это?

– У меня есть знакомая, да ты ее знаешь – Лиза Травина, адвокат. Она всегда все знает. Больше того, если бы Пирский хотел найти свою дочь, то он в первую очередь обратился бы именно к Лизе. А уж та сама решила бы, подключать кого-то из своих знакомых в прокуратуре или нет. Она плотно сотрудничает с Сергеем Мирошкиным. Они часто работают «ноздря в ноздю»!

– Я знаком с Травиной, но если она даже что-то и знает, то

уж точно тебе ничего не скажет. Она умеет хранить секреты.

– Посмотрим! Ну что – мир? Я тебя немного успокоила? Отвлекла? Саша, выбрось из головы несуществующие планы Цилевича об объединении двух наших проектов. Он прекрасно понимает, что лучше иметь два золотых источника, чем один.

Так, разговаривая, они перемещались из одной комнаты своей огромной квартиры в другую, курили, пили кофе, открывали и закрывали пустой холодильник, пока, наконец, не успокоились, переоделись и отправились в ресторан – ужинать.

Однако Александр только делал вид, что успокоился, но на душе у него было тревожно, он чувствовал себя крайне униженно уже потому, что в свой кабинет Цилевич, его друг детства, пригласил на разговор не его, а Ингу. Все знали, что Лева влюблен в Ингу, без всякого стеснения, пользуясь своим служебным положением, он оказывал ей знаки внимания, и поговаривали, что не сегодня завтра проект ее мужа «Открой глаза» будет закрыт, как точная копия более рейтингового, Ингиного – «Скелет в шкафу». Однако известно было и то, что шоу «Скелет в шкафу» предназначалось все же больше для женской аудитории, да и приглашались туда преимущественно героини – женщины со сложными судьбами, и целью этого шоу в идеале было расставить все точки над «i», повесить ярлыки на злодеев и обидчиков прекрасной половины человечества. В студии появлялись, как черт из таба-

керки, бывшие мужья и любовники, друзья, знакомые, по вине которых женщина страдала и которым предлагалось объясниться с героиней, иногда даже повиниться.

Смысловым центром оформления студии был старинный шкаф, дверцы которого в нужный момент открывались, и перед зрителями возникал переполненный своими и чужими тайнами человек – тот самый «скелет в шкафу», который призван был своими появлением и объяснениями внести определенный порядок и смысл в мысли и чувства участников шоу.

Шоу «Открой глаза» позволяло в прямом эфире порыться в грязном белье красивых женщин. Редко когда Нечаев приглашал на свою программу женщин простых, непривлекательных, обыкновенных. Актрисы, деловые женщины, богатые содержанки, проститутки, балерины, секретарши...

Собирался Нечаев пригласить на свою программу и Лизу Травину, да только пока еще духу не хватало. Сколько раз он представлял себе, как звонит ей, назначает встречу, как пытается уговорить ее принять участие в своем шоу. Она умная, сразу заподозрит что-то неладное. Понимает, что прямой эфир – это информация без кожи, обнаженная, и что все, что будет произнесено там вслух, потом растащат на цитаты, сплетни, слухи.

Нечаев даже придумал тему для Лизы – «Брошенный муж». Она, такая вся успешная, состоятельная, добившаяся всего, о чем только может мечтать молодая амбициоз-

ная женщина, даже успевшая стать матерью, на самом деле – хладнокровная и циничная проныра, зарабатывающая деньги на несчастье других людей. Что все-то у нее схвачено-прихвачено, что через ее руки проходят взятки судьям и прокурору, а может, и тем, кто занимается делом на этапе следствия. Что муж ее, Гурьев, живет своей мужской жизнью, часто путешествует, что у него за границей любовницы: итальянка, француженка...

Вот это был бы эфир!

В ресторане, где их знали, Инга с мужем заняли столик возле окна, откуда хорошо просматривался небольшой уютный зал в красно-зеленых тонах, заказали ужин из морепродуктов, фрукты и сразу же выпили по бокалу белого вина.

Инга чувствовала на себе взгляды посетителей, сидящих за соседними столиками. Конечно, они ее узнали, вернее, их узнали. Красивая, яркая пара, их лица можно часто видеть на экране. Поэтому они всегда должны быть в форме. Инга всегда об этом помнила и тщательно следила за собой. Чистые уложенные волосы, макияж, маникюр, удобная и стильная одежда. Сейчас на ней было просторное черно-белое шифоновое платье, надетое поверх черной туники. Бледное лицо с поддурмяненными высокими скулами и пунцовые губы – такой она увидела себя в зеркале перед тем, как выйти из дома.

Нечаев же был во всем белом: легкий американский костюм с широкими штанами и рубашка с серебряными пуго-

вицами.

– Как там Ирочка? – спросила Инга мужа, чтобы сделать ему приятное. Речь шла о его младшей сестре, которая со дня на день должна была родить. – Нормально себя чувствует? Психологически готова к родам?

– Да, слава богу, все хорошо. Ты бы позвонила ей или, еще лучше, приехала, поговорили бы по-женски. Ты же знаешь, как она тебя любит, как радуется всегда твоему приходу.

– Обязательно съезжу к ней. Она – самый светлый человек в вашей семье, – сказала она нечаянно вслух то, что думала. И чтобы муж не обратил внимания на случайно прозвучавшую правду о его семье, перевела разговор в другое русло: – Надеюсь, твоя мама не успела заморочить ей голову разными сглазами и прочим бредом?

– Ты так пренебрежительно отозвалась о моей маме, – попытался обидеться обожавший свою мать Александр, – словно и сглаза-то никакого не существует, словно я сам все это придумал!

– Нет-нет, конечно, сглаз существует, но не думаю, что беременным женщинам надо вообще рассказывать об этом.

– Послушай, – начал раздражаться Нечаев, хмуро следя за тем, как официантка ставит перед ним огромное блюдо с креветками, кальмарами и мидиями. – Мы же своими глазами видели фотографии из нашего семейного альбома. Двоюродного деда моего видела?

– Ну, видела, – прошептала, испытывая леденящий ужас,

Инга. В такие минуты, когда страх охватывал ее и она казалась загнанной в тупик, когда понимала, что не в состоянии осмыслить и принять что-то страшное, ее организм словно замирал, и только корни волос шевелились, а по коже пробежал ледяной ветерок смерти...

– Мы все видели. И он родился таким от сглаза, понимаешь?

– Поэтому вы заставляете Иру сидеть дома? А как же свежий воздух?

– Ее возят на дачу, и там ее чужие не видят.

Инга всегда восхищалась своим мужем, считала его умным человеком, талантливым, серьезным. Но вот в такие минуты, когда он, по ее мнению, нес всю эту чушь про сглаз, да еще и с умным видом, ей казалось, что она видит перед собой настоящего ребенка! И ей хотелось потрепать его по плечу и сказать: «Саша, дорогой, приди уже в себя! Мы взрослые цивилизованные люди! Скажи, что ты пошутил и что твой двоюродный дядя родился таким по какой-то другой причине».

К счастью, разговор на эту неприятную для обоих тему был прерван. Замурлыкал телефон Инги.

– Да, Дима, слушаю тебя, – улыбнулась она невидимому собеседнику, и Нечаев усмехнулся, понимая, что ее улыбка предназначена режиссеру Инги, молодому красавцу Дмитрию Сапрыкину. – Где мы? В ресторане, а что? Телевизор? Подожди...

Она оглянулась, кивнула:

– Ну да, конечно, есть телевизор. Что, какой канал? Наш? Хорошо, я попрошу сейчас переключить. Я тебе перезвоню...

Она подозвала проходившую мимо официантку и попросила переключить канал, после чего поднялась со своего места и подошла к большой плазме напротив бара, на экране которой беззвучно пела Рианна. Бармен переключил канал, включил звук, он оказался громче, чем следовало бы, и на весь ресторан зазвучал голос взволнованной журналистки, которая вела репортаж с места происшествия:

– ...ее тело выловили рыбаки... Наш оператор сейчас переместит камеру... вот сюда... Вы видите, как тело девушки укладывают на носилки, которые сейчас погрузят в машину «Скорой помощи»...

Инга увидела набережную, толпу зевак вокруг места трагического действия, связанного с погрузкой тела утопленницы, огромные испуганные глаза журналистки, она узнала ее – это была Мила Звонарева, людей в бирюзовых медицинских костюмах, подъехавшую черную машину прокурора, полицейских...

– Что там интересного? – Нечаев, явно рисуясь перед посетителями ресторана, с любопытством рассматривающих Ингу, застывшую перед экраном телевизора, подошел к ней, ничего не подозревая и не предчувствуя, и обнял жену сзади за талию. – Надеюсь, это не теракт?

– Репортаж с места трагедии, – сказала, быстро оглянувшись на мужа, Инга. – Но я пока не поняла, почему этим заинтересовался Дима... Ладно, он потом перезвонит...

– Да уж, наш мост самый большой в Европе и самый, на мой взгляд, красивый, я бы даже сказала, величественный имеет и другую репутацию, – между тем продолжала тараторить в камеру Мила. – Сколько жизней было оборвано в свободном полете с самой высокой его точки... Кто только не бросался с моста в реку! Брошенные мужьями и любовниками женщины, сумасшедшие...

– Вот дура, – пожала плечами Инга и собиралась еще что-то добавить, но в эту же самую минуту в ресторан вошла, громко цокая по мозаичному полу высокими каблуками, молодая женщина. Очень высокая, в развевающихся белых одеждах. Длинные рыжие волосы, бледное лицо, черные, ярко накрашенные глаза, блестящая красная помада. Подойдя к бару, она, словно и не замечая стоящих в шаге от нее Ингу с Александром, забралась на высокий табурет и, обращаясь к бармену, громко сказала:

– Водки! Адам, помяни мое слово, они мне еще дорого за это заплатят!!! Суки, гады, твари!!!

Адам, так звали, по всей вероятности, бармена, тотчас бросившегося исполнять желание посетительницы, наливая водку, поглядывал на женщину с явным ожиданием подробностей, однако не проронил ни слова.

Инга, немного уязвленная, что все внимание публики мо-

ментально переключилось на эту молодую даму, вернулась за свой столик. Нечаев последовал за нею.

– Дима! – воскликнула она, увидев, как загорелся дисплей ее мобильного. – Вот сейчас он все и объяснит... Слушаю тебя, дорогой...

И вспыхнула, услышав собственные вылетевшие непроизвольно слова: «Слушаю тебя, *дорогой*...» Вот почему так? Словно рот, ее речевой аппарат, живет своей собственной бесстыжей жизнью, каждый раз подставляя ее! Нечаев потом припомнит ей этого «дорогого», хотя она всегда обращалась так к людям, которыми дорожила, которые были ей близки чисто как друзья. У нее вообще нет любовников, а потому будет обидно снова извиняться, что-то доказывать...

– Да, Дима? – Она попыталась прислушаться к тому, что ей говорил помощник, но не могла расслышать его из-за громкого голоса посетительницы, явно намеревавшейся устроить скандал. Она была похожа на бомбу, которой не терпелось разорваться прямо здесь, у барной стойки. Вероятно, у нее случилось что-то такое, в чем она хотела обвинить весь мир.

Перехватив взгляд мужа, она заметила, что и тот наблюдает за дамой в белом. Причем он смотрел на нее не с восхищением и даже не с любопытством, а с видом человека, пытающегося что-то вспомнить.

– Саша, ты что, ее знаешь?

– Знаю... кажется... Да и ты тоже ее знаешь! Это ведь же-

на депутата Краснова, того, кто два года тому назад выстав-
лял свою кандидатуру на выборах губернатора!

– Это она?

– Ее зовут Наталья. Мы с тобой были приглашены на бан-
кет по случаю пятидесятилетия ее мужа, ты что, забыла? Они
встречали гостей на лужайке своего нового загородного дом
в Шумейке!

– Ты хочешь сказать, что та молодая леди во всем белом,
увешанная брильянтами, и есть Краснова?

– Да, это она, я ее узнал.

Между тем дама выпила рюмку водки, похлопала себя ла-
дошкой по губам, словно остужая рот, шумно выдохнула и,
совершенно не обращая внимания на то, что она в рестора-
не не единственная посетительница, что за столиками ужи-
нают почти десять пар, разглядывающих ее с интересом, она
повернулась и обвела всех тяжелым взглядом и вдруг, ко-
гда ее взгляд остановился на Александре Нечаеве, букваль-
но сползла с высокого табурета и, пошатываясь и путаясь
в складках своего шифонового одеяния, подошла к нему с
полной рюмкой в руке.

– На ловца и зверь бежит! – сказала она с нехорошей,
опасной улыбкой, практически вплотную подойдя к нему.
Одно резкое движение – и Нечаев вскрикнул и зажмурился:
Краснова выплеснула содержимое своей рюмки ему прямо
в лицо!

– Что вы делаете? – воскликнула Инга, вскакивая со сво-

его места и пытаюсь оттолкнуть женщину от своего мужа. – Алкоголичка, мерзкая тварь!

Последнее слово тоже слышали все, кто находился в ресторане. Инга готова была провалиться сквозь землю от стыда! Снова ее язык сказал то, что она хотела, но что не должна бы произносить вслух, что вырвалось у нее словно помимо воли!

Тут Краснова подошла к Инге и неожиданно схватила ее за волосы и больно дернула.

– Помогите! Полиция!!! Охрана!!! – закричала, обезумев от резкой боли, Инга. – Черт, официанты, куда вы смотрите?!!

– Что, больно? – между тем таскала ее за волосы, причиняя невыносимую боль, Краснова, заглядывая в ее глаза своими, казалось бы, невидящими глазами. – А думаешь, ей не было больно?

– Кому? О ком вы говорите? – прикрывая ладонью глаза, спросил Александр, пытаясь свободной рукой оттащить от жены взбесившуюся женщину. – Если хотите, я позвоню сейчас вашему мужу и скажу, чтобы он за вами приехал или прислал водителя... Да у вас белая горячка!

Наталья Краснова отпрянула от Инги, ее лицо исказила гримаса такой душевной боли, что в ресторане в эту образовавшуюся минуту полной тишины не слышно было даже дыхания присутствующих. Все ждали, что же сейчас будет.

– Да, Лариса была проституткой, была... И я тоже бы-

ла проституткой! – Она резко повернулась и посмотрела на застывших за своими столиками посетителей пристальным взглядом. – Но Лариса вышла замуж, родила детей, выучилась на дизайнера... Она была счастлива, вы, уроды! И муж ее был тоже счастлив! Это была прекрасная семья!!! И что теперь? Тунцов лежит с инфарктом, а Ларочка бросилась с моста!!! И кто все это организовал, подстроил, срежиссировал?! Не вы ли, сладкая парочка?! Ненавижу вас!!!

И она, как разъяренная кошка, снова бросилась на растрепанную, с красным лицом Ингу, схватила со стола тарелку с морепродуктами и влепила прямо ей в лицо, затем, быстро повернувшись, взяла бутылку с вином и обрушила ее на голову потрясенного услышанным Нечаева.

В эту же секунду подоспевшие охранники скрутили Краснову и оттащили подальше. Нечаев, схватившись за голову, рухнул на колени и замычал. Инга, которую колотило от злости, стряхивала с себя влажные мидии, розовые кружева кальмаров, блестящие от масла креветки...

И в какую-то минуту все ее физические и душевные страдания, связанные с унижением, которым они подверглись на глазах зрителей, вдруг перебила боль другая, страшная, неотвратимая и необратимая: до нее вдруг дошло, что та утопленница, которой был посвящен бездарный репортаж Милы Звонаревой, и есть Лариса Тунцова! Что это она сегодня бросилась с моста в реку!

Волосы на ее голове зашевелились, когда до нее дошел

весь ужас происшедшего: Тунцов ничего не знал о прошлом Ларисы! Пришел к ним в студию в роли преуспевающего бизнесмена и человека, привыкшего выслушивать благодарности, связанные с его благотворительной деятельностью, а его вместо этого вывалили в грязи, доказали, что его жена – проститутка, что он, получается, наивный слепец, доверивший этой женщине рождение своих детей, и он, скрыв свои истинные чувства, преодолев самого себя и из-за любви к своей жене, сделал вид, что он все знал о ее прошлом. Проявлял высший пилотаж благородства и порядочности по отношению к женщине, которая нашла в себе силы начать жизнь с белого листа. Рядом с ним Лариса прошла весь путь очищения и доказала, что она может быть верной женой, хорошей матерью и талантливым человеком. Что шанс, который ей дала жизнь, позволив ей выйти замуж за Тунцова, был использован ею в полной мере.

Возможно, все эти годы, что она жила в браке, ее терзал страх разоблачения, может, по ночам ее мучили кошмары, связанные с ее прошлой жизнью, и чем дольше длился этот брак, тем страшнее ей было при мысли, что ее тайна откроется и она потеряет все, чем была счастлива и чем жила все это время.

Ее поймали, как дикого зверя в капкан, и убили. Она убила, Инга. Вот просто разрушила две жизни, семью, оставила маленьких детей без матери. Если же Тунцов, не дай бог, умрет в больнице, то дети останутся сиротами! Полными си-

ротами!

Через несколько минут об этом узнает весь город!!!

Можно себе представить, что испытали они оба, Лариса и Тунцов, когда в студии появилась ее родная сестра-неудачница, мать-одиночка, с которой Лариса не общалась, и, давясь от зависти к Ларисе и от злости, вывалила всю правду-матку в прямом эфире: мол, а вы и не знали, что Лариса была вокзальной проституткой?

Еще этот сутенер, Борис Бессонов, который испытал немалый шок, когда до него дошло, зачем его пригласили... И он тоже хотел забыть свое сутенерское прошлое, построил небольшую гостиницу на берегу моря, жил спокойно... А тут его спрашивают прямо в лоб: вы знакомы с этой женщиной? Это вы заставляли Ларису работать на вокзале? Это вы подыскивали ей клиентов?

Инга не пересматривала запись шоу, сейчас же, в свете трагедии, она, быть может, увидит крупным планом глаза нечастной Ларисы, ее взгляд, в котором она, Инга, увидит отражение приближающейся смерти... Боль, отчаяние, невыносимые муки...

Что она наделала?

...Между тем Александр, не проронив ни звука, поднялся с колен, отряхнулся, схватил жену за руку, и они, под злобный шепот и возмущенные возгласы возвращающихся на свои места посетителей, быстро покинули ресторан.

Он тащил ее с такой силой, словно хотел оторвать руку.

Они сели в машину и приехали домой. В машине Нечаев тоже не проронил ни звука. Словно копил в себе все, что собирался высказать жене дома, обрушив на ее голову все свое презрение, возмущение и злость.

Но, распахнув дверь квартиры и пропустив вперед себя Ингу, он увидел спокойное и улыбающееся дежурной улыбкой лицо домработницы Маши, рыжеволосой полненькой моложавой женщины, работавшей у них уже много лет.

– Как хорошо, что я дождалась вас, – сказала она, как ни в чем не бывало принимая из рук Инги дамскую сумку. И тут, заметив, как перепачкано ее платье, да и в волосах застряли какие-то розовые кусочки, она замерла, внимательно оглядывая свою хозяйку. Потом перевела взгляд на Нечаева, нервно срывающего с ног летние ботинки. Пытаясь зацепить носком одного ботинка пятку другого и подпрыгивая, злясь на самого себя за неловкость, он был бы смешон, если бы не мокрые, торчащие в разные стороны волосы, рана на лбу и кровавая дорожка, тянущаяся по влажным виску и щеке, плюс капли крови на мокрой и пахнущей вином рубашке.

– Ба, да вы откуда такие красивые? – всплеснула Мария руками, открывая дверь в ванную комнату, куда спешила спрятаться от разъяренного мужа Инга. – Саша, что случилось?

Молодую маму звали Анжелика. Она, сама нервничая, как-то лихорадочно, судорожно качала коляску со спящим младенцем, одетым во все голубое. Солнце дробилось в пышной кроне молодого клена, в тени которой стояла парковая скамейка, расцвеченная солнечными зайчиками.

Хорошо одета, ухожена, капризна, с недовольным, однако миленьким личиком, Анжелика, казалось, и сама уже была не рада, что вышла погулять с маленьким сынишкой в парк.

– Вообще-то у нас есть няня, да только у нее грипп, и она осталась дома, у себя дома, – объясняла она Денису, напористо допрашивавшему ее, сидя рядом с ней на скамейке. – Эту коляску мне купила моя свекровь, не ахти какая, но ничего, сойдет... Она неплохо маневрирует...

– Это вы о свекрови? – широко улыбнулся, исключительно из вежливости и чтобы расположить к себе женщину, Денис, прилагая к этому немалые усилия, поскольку улыбаться ему вовсе не хотелось. Ведь он, по сути, провалил задание. Опростоволосились и другие, целая группа хорошо подготовленных профессионалов, задачей которых было схватить человека, который должен был прийти за выкупом, спрятанным в коляске.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.